

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Ger
10865
25

WIDENER LIBRARY

HX 3M5G A

5345 Jve
1-6-56

16-218

ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ
ЕКАТЕРИНА ПАВЛОВНА

ЧЕТВЕРТАЯ ДОЧЬ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I

ГЕРЦОГИНЯ ОЛЬДЕНБУРГСКАЯ, КОРОЛЕВА ВИРТЕМБЕРГСКАЯ

1788 † 1818.

БЮГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРЕЗЪ

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПОРТРЕТА И АВТОГРАФА.

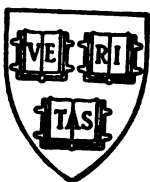
СОСТАВИЛЪ

И. Н. Вожебяновъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія В. Фреймана (Вас. Остр., 3 л., № 44).
1888.

Ger 10865.25

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

9217/68

D

122

**ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ
ЕКАТЕРИНА ПАВЛОВНА**

ЧЕТВЕРТАЯ ДОЧЬ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I

ГЕРЦОГИНЯ ОЛЬДЕНБУРГСКАЯ, КОРОЛЕВА ВИРТЕМБЕРГСКАЯ

1788 + 1818.

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРКЪ
СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПОРТРЕТА И АВТОГРАФА.

СОСТАВИЛЪ
И. Н. Божеряновъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія В. Фреймана (Вас. Остр., 3 л., № 44).
1888.

17u
35203

5375 Т. 1 е
1-6-56

16.212

ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ
ЕКАТЕРИНА ПАВЛОВНА

ЧЕТВЕРТАЯ ДОЧЬ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I

ГЕРЦОГИНЯ ОЛЬДЕНБУРГСКАЯ, КОРОЛЕВА ВИРТЕМБЕРГСКАЯ

1788. † 1818.

БЮГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРЕКЪ
СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПОРТРЕТА И АВТОГРАФА.

СОСТАВИЛЪ

И. Н. Божеряновъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія В. Фреймана (Вас. Остр., 3 л., № 44).
1888.

Ger 10865.25

✓

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 12 мая 1888 г.

10865.25

270

ЕГО ВЫСОЧЕСТВУ

ПРИНЦУ

АЛЕКСАНДРУ ПЕТРОВИЧУ

ОЛЬДЕНБУРГСКОМУ

съ глубочайшимъ уваженіемъ
посвящаетъ свой трудъ

Иванъ Божемяновъ.

Присяжники
зодарности и совер
ною достойною эн
принести къ преу
нговшаго для мен
Богомольность у
добродушельным
ленской Губернии
ие наладить, во
ламяство мое н
службы задержива
дѣлѣ виднѣ себя
свидѣтелями осяза
и въявивъ вась въ чинѣ

ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ
Екатерина Павловна
1788 † 1818.

Прилагаемый портрет Ея Императорскаго Высочества великой княгини Екатерины Павловны воспроизведенъ съ оригинала, паходящагося въ Романовской галлерей Зимняго дворца. Писанъ онъ извѣстнымъ портретистомъ В. Л. Боровиковскимъ; другой портретъ работы того же художника находился на исторической выставкѣ портретовъ, бывшей въ Обществѣ поощренія художниковъ въ 1870 г., и въ каталогѣ, составленномъ В. Н. Петровымъ, значится подъ № 637. Величина его 15 вершковъ высоты и 13 ширины. Великая княжна написана поколѣнно, сидящею въ креслѣ у стола, въ бѣломъ атласномъ платьѣ, держа въ правой рукѣ стеклянную вазу съ цвѣтами; внизу подпись Боровиковскаго, съ обозначеніемъ 1797 года. Принадлежалъ онъ Н. Л. Кузьмину.

Въ Виртембергѣ портретъ великой княгини Екатерины Павловны написанъ былъ художникомъ Донекеромъ. По отзывамъ современниковъ, она имѣла темно голубые глаза, а прекрасный цвѣтъ лица еще рѣзче выдѣлялъ ихъ изъ рамки каштановыхъ волосъ.

Независимо отъ портретовъ великой княгини Екатерины Павловны, находящихся въ числѣ изображеній всѣхъ членовъ Императорскаго Дома на одномъ листѣ, имѣются слѣдующіе отдѣльно гравированные ея портреты, описанные въ «Словарѣ русскихъ гравированныхъ портретовъ» Д. А. Ровинскаго.

1) Поясной, въ овалѣ, гравированный I. Sanuders. 1808. Рѣдкій. Есть оттиски красной краской, а въ первыхъ отпечаткахъ подпись сдѣлана тонкой иглой.

2) Гравированъ I. Godby (съ Изабе). 1814. Во вторыхъ отпечаткахъ подпись гравера стерта «Pub by I. Bell».

3) I. Eusebi p. I. Cheesman sc. 1814. Первые отпечатки съ бѣлой подписью.

4) Въ листъ H. l'Eveque p. E. Vendramini. St. 1815.

5) Поколенный I. Charmann sc. 1819.

6) Тоже. I. Bell exs Pub. 1814.

7) Поясной G. H. Phillips p. H. R. Cock sc.

8) Тоже. H. Benner p. I, Mesou sc. изъ 20 портретовъ. изданныхъ Беннеромъ.

9) Поясной Chez Artaria et Comp.

10) Въ ростъ F. Gérard pinx P. Adam sc.

Кромѣ того, въ коллекціи извѣстнаго собирателя П. Я. Дашкова ¹⁾, находятся два листа лубочныхъ изображеній великой княгини Екатерины Павловны. Оба въ ростъ, но второй болѣе плохой работы и на фонѣ его изображена китайская деревня въ Царскомъ Селѣ. Наконецъ въ описаніи «Русскихъ народныхъ картинокъ» Д. Ровинскаго. (Спб. Томъ IV, стран. 723), говорится, что на изображеніи «Страстной Богородицы» (перенесенной въ Москву изъ отчины князя Б. М. Лыкова (Нижегородскаго), изъ села Палецъ, въ 1691 году, причемъ ее встрѣчалъ самъ царь Ми-

¹⁾ Въ его же собраніи имѣются рисунки формъ ополченій 1812 г., исполненные художникомъ Лангеромъ, а въ числѣ ихъ есть изображеніе офицера въ формѣ Егерскаго баталіона имени вел. кн. Екатерины Павловны.

хаизъ Ѳеодоровичъ, и въ 1654 г. построилъ для нея Страстной монастырь на мѣстѣ ея срътспія); внизу молитва Богородицѣ въ которой поминается: Импер. Екатерина II, вел. кн. Павелъ Петровичъ, вел. кн. Марія Ѳеодоровна, вел. кн. Александръ и Константинъ Павловичи и вел. кн. Александра, Елена, Марія и Екатерина Павловны. Листовая картинка, гравированная на мѣди.

ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ ЕКАТЕРИНА ПАВЛОВНА

1788 † 1818 г.

ГЕРЦОГИНЯ ОЛЬДЕНБУРГСКАЯ, КОРОЛЕВА ВИРТЕМБЕРГСКАЯ.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Черезъ долгій рядъ вѣковъ въ молѣхъ земныхъ судьбинъ
Сольются имена тѣхъ двухъ Екатериныхъ,
Изъ коихъ во Второй духъ творческій познали,
Подобіе Ея-жъ въ послѣдней обожали.

Кн. И. Доморукій.

Сто лѣтъ тому назадъ, 10 мая 1788 г., въ Царскомъ Селѣ, родилась великая княгиня Екатерина Павловна, которая была четвертою дочерью Цесаревича Павла Петровича, отъ брака его съ Маріею Ѳеодоровною. Свѣтлый образъ этой княжны всецѣло долженъ быть отнесенъ къ замѣчательнымъ личностямъ русскихъ женщинъ. Многіе знавшіе ее современники говорятъ о ней съ увлеченіемъ, а сохранившіеся ея письма объясняютъ намъ то обаятельное впечатлѣніе, которое производила вел. кн. Екатерина Павловна на людей, находившихся съ нею въ сношеніяхъ. Не даромъ она оставила по себѣ такую прекрасную память въ Твери и Штутгартѣ; не даромъ носила она великое имя! Любимая внучка императрицы Екатерины II, съ младенчества ею оцѣненная, любимая сестра императора Александра I, она была истинною

красою царскаго дома и Россіи. Примѣръ бабки и матери вызвалъ ее на дѣятельность общепользную, и въ этомъ смыслѣ она не ограничивалась сферою тѣсною, но простирала сочувственное участіе ко всѣмъ вопросамъ внутренней и внѣшней политики. Она уговорила Карамзина написать безсмертную «Записку о древней и новой Россіи», по ея мысли и благодаря ея настоятельнымъ письмамъ, въ 1812 году образовалось народное ополченіе для борьбы съ полчищами западной Европы. По этому вполне понятна и вѣрна слѣдующая характеристика вел. кн. Екатерины Павловны, сдѣланная бывшимъ флигель-адъютантомъ императора Александра I, А. Михайловскимъ-Данилевскимъ ¹⁾: «Ссылаясь на всѣхъ, кто былъ ей представленъ, спрашиваю: встрѣчали-ль они особу, въ равной мѣрѣ съ покойною королевою виртембергскою, соединявшую съ красотою тѣлесною, очаровательность въ обращеніи и разумъ обогащенный самыми обширными свѣдѣніями? Она принадлежала къ весьма не многому числу тѣхъ особъ, которыя, будучи вознесены саномъ и рожденіемъ надъ прочими смертными, пренебрегаютъ разговорами о мелочныхъ и всѣдневныхъ предметахъ и охотнѣе склоняють рѣчь къ предметамъ возвышеннымъ. Подобно истиннымъ государственнымъ людямъ, увѣреннымъ въ силѣ и основательности своихъ сужденій, она даже любила, чтобы тѣ, кто имѣлъ честь съ нею бесѣдовать, дѣлали ей возраженіе и предлагали собственные мысли. *«Всего болѣе сожалею въ моей жизни, что я не была мужчиною въ 1812 году»*, сказала она мнѣ однажды. Изящество сихъ словъ можетъ постигнуть только русское сердце».

Въ 1813 — 15 гг. вел. кн. Екатерина Павловна сопровождала Императора Александра I-го въ походахъ и на Вѣнскомъ конгрессѣ. гдѣ много помогала ему своимъ талантомъ и энергіею своего характера; она много способствовала также

¹⁾ См. его «Записки 1814 и 1815 гг.», изд. 1841 г., стр. 106.

браку своей сестры Анны Павловны съ принцомъ Оранскимъ, въ послѣдствіи королемъ Нидерландскимъ. Въ 1816 г., выйдя вторично замужъ за принца Виртембергскаго, Вильгельма, вступившаго въ томъ же году на престолъ, Екатерина Павловна въ первый же годъ своего пребыванія въ новой странѣ, оказала ей важную услугу во время наступившаго голода, устроивъ общества: «женское благотворительное» и «земледѣльческое». Ея вліянію можно приписать и то, что въ королевствѣ Виртембергскомъ прежде другихъ нѣмецкихъ земель, положены были прочныя начала гражданской свободы. Мало всего этого, отъ перваго брака Екатерины Павловны съ принцемъ Георгомъ Ольденбургскимъ, младшій, второй ея сынъ, Петръ Георгіевичъ, стяжалъ въ Россіи глубокую къ себѣ любовь русскаго общества и покрылъ свое имя неуваждемою славою своими трудами, главнымъ образомъ на поприщѣ женскаго образованія въ Россіи, и тѣмъ самымъ оправдалъ, такъ сказать, завѣщанныя слова незабвенной своей матери, писавшей въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Карамзину слѣдующія строки: «Познакомлю васъ съ сыномъ моимъ, для котораго мое желаніе есть, чтобы нѣкогда и его имя могло быть помѣщено со славою въ исторіи васъ теперь занимающей».

Несмотря, однако, на все вышесказанное до сихъ поръ въ русской литературѣ нѣтъ отдѣльной монографіи, посвященной всецѣло вел. кн. Екатеринѣ Павловнѣ¹⁾, хотя еще въ 1866 г. академикъ Я. Гротъ, въ изданномъ Академіею Наукъ III-мъ томѣ сочиненій Державина, въ примѣчаніи къ «Посланію къ вел. кн. Екатеринѣ Павловнѣ» поэта о покровительствѣ оте-

¹⁾ Ко дню пятидесятилѣтія Имп. Училища Правовѣднія бывшимъ воспитанникомъ этого заведенія А. Папковымъ, была составлена книга: «Жизнь и труды принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго», въ которой вторая глава посвящена родителямъ принца и въ ней говорится о вел. кн. Екатеринѣ Павловнѣ, но сообщаемыя свѣдѣнія далеко не полны и во многомъ не точны.

чественнаго слова, писалъ: «Уже съ молоду Екатерина Павловна любила серіозныя занятія и такимъ образомъ приобрѣла многостороннія познанія. Съ особеннымъ искусствомъ владѣла она карандашемъ и украсила виньетками небольшое собраніе стихотвореній своего супруга, напечатанное въ 1810 г. ¹⁾, въ Москвѣ. Все это заставляетъ желать, чтобы на русскомъ языкѣ были изданы о ней свѣдѣнія подробнѣ помѣщенныхъ вскорѣ послѣ ея смерти въ «Сынѣ Отечества» за 1819 годъ. Спустя четыре года послѣ этого, издатель «Русскаго Архива» г. Бартеневъ, печатая письма вел. кн. Екатерины Павловны къ инженеръ-генералу Деволану ²⁾, высказалъ ту же мысль: «Мы увѣрены, говорилъ онъ, что подробное жизнеописаніе этой достопамятной женщины могло бы быть предметомъ живой и поучительной книги. Недостатка въ источникахъ не должно быть: вел. кн. писала часто и много. Но гдѣ эти письма, гдѣ ея бумаги?» Правда, съ тѣхъ поръ на страницахъ «Русскаго Архива» и другихъ историко-періодическихъ изданій, явились нѣкоторыя новыя данныя, могущія служить матеріалами для біографіи вел. кн. Екатерины Павловны, но тѣмъ не менѣе нашъ трудъ мы позволили себѣ назвать лишь біографическимъ очеркомъ, такъ какъ съ нашей стороны было единственнымъ желаніемъ воскресить въ день столѣтія ея рожденія дорогой образъ королевы, а краткость времени для приведенія въ исполненіе задуманнаго плана лишила насъ возможности отнестись съ болѣе кропотливымъ вниманіемъ къ собиранію свѣдѣній, разсѣянныхъ въ различныхъ журналахъ, почему за всякое указаніе какихъ-либо пропусковъ, мы заранѣе заявляемъ нашу благодарность всѣмъ тѣмъ, кто ихъ намъ сдѣлаетъ.

¹⁾ Въ 1813 г. послѣ смерти принца собраніе стихотвореній его были изданы вторично съ добавленіями, но какъ и въ первый разъ въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ.

²⁾ См. «Русскій Архивъ» за 1870 г., стр. 1967.

I.

За нѣсколько мѣсяцевъ до появленія на свѣтъ вел. кн. Екатерины Павловны, отецъ ея, Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, горѣлъ желаніемъ отправиться въ армію, но его державная мать не соглашалась на это, въ виду беременности Маріи Θεодоровны и вотъ, что писала по этому поводу своему сыну отъ 17-го января 1788 г. ¹⁾: «Полагаю, любезный сынъ мой, что имѣю множество правъ на то, чтобы узнавать о случаяхъ беременности великой княгини не изъ распросовъ, не изъ городскихъ слуховъ, и не послѣ всѣхъ. Въ прошедшемъ году, когда я изъ Кіева прислала вамъ «Гамбургскую Газету», вы отвѣчали мнѣ, что если бы дѣйствительно такъ было, то мнѣ прежде всѣхъ было бы сообщено объ этомъ. Въ началѣ декабря, когда у дорогой моей дочери была лихорадка, вы сами сознались, что тогда дали мнѣ отвѣтъ отрицательный. Съ какого же времени великая княгиня беременна? Прошу васъ сообщить мнѣ объ этомъ. Чтобы справедливо судить о чемъ-либо, надо взвѣсить съ обдуманностью доводы и за и противъ. Доводы въ пользу вашу заключаются въ выраженномъ вами желаніи отправиться въ армію въ качествѣ волонтера, дабы видѣть военныя дѣйствія; это желаніе въ настоящее время вы называете обязанностью, хотя положительно никакой обязанности на васъ тутъ не налагается. Съ сентября мѣсяца вы дважды просили меня разрѣшить вамъ эту поѣздку; въ первый разъ я вамъ это отсовѣтовала; во второй — согласилась, потому что не видѣла къ тому никакихъ препятствій. Въ настоящее время обстоятельства измѣнились. Отдавая полную справедливость душевнымъ качествамъ великой княгини, (которая испрашивала у Императрицы дозволенія сопровож-

¹⁾ «Русская Старина», 1879 г. Т. VIII, стр. 871.

дать своего мужа), я, тѣмъ не менѣе, убѣждена, что усиліе, которое она должна сдѣлать надъ собой, можетъ не поблагодарить ея и подвергнуть опасности жизнь третьяго лица и все это ради прихоти, безъ всякой необходимости. Коль скоро подобное сомнѣніе существуетъ, было бы безчеловѣчно и жестоко не обратить на него вниманія. Что же касается до меня, то я обязана, я поставлена въ необходимость убѣдительнѣйше просить васъ повѣда отказаться отъ этой побѣдки и отложить ее на нѣсколько мѣсяцевъ, т. е. до разрѣшенія отъ бремени любезной моей дочери, срокъ котораго мнѣ неизвѣстенъ и когда оно послѣдуетъ—лѣтомъ или зимою?»

Нѣжная заботливость Императрицы была совершенно основательна: 10 мая 1788 г. вел. кн. Марія Ѳеодоровна послѣ долгихъ страданій, разрѣшилась отъ бремени дочерью, нарѣченною Екатериною. Храповицкій въ своихъ «Запискахъ», подъ 6-мъ числомъ мая мѣсяца отмѣчаетъ, что «Ихъ Высочества въ этотъ день переѣхали наскоро изъ Павловска; пронесся слухъ о приближеніи къ родамъ. Докладывалъ о назначенныхъ женщинахъ и за ними послалъ». А подъ 10-мъ числомъ записано: «Въ 11 часовъ утра пошли къ великой княгинѣ. Пополудни, въ 4-мъ часу родилась вел. кн. Екатерина Павловна; возвратились съ той половины въ 6 часовъ». На слѣдующій день, говоритъ Храповицкій: «По утру приходилъ Цесаревичъ благодарить. Сказано по сему случаю, что жизнь великой княгини висѣла на нитѣхъ». Въ тотъ же день, 11-го мая, Екатерина, по случаю рожденія внучки, писала къ Потемкину Таврическому слѣдующія строки: «Любезный другъ, князь Григорій Александровичъ. Вчерашній день великая княгиня родила дочь, которой дано мое имя, слѣдовательно она—Екатерина; мать и дочь здоровы теперь, а вчерась материна жизнь была два часа съ половиною на весьма тонкой нитѣхъ; видя крайность, я рѣшилась приказать

Ассофеиру (акушеру) спасти ей жизнь, за что теперь меня и мужъ и жена много благодарятъ ¹⁾». Затѣмъ, по тому же поводу, Государыня, отъ 27 мая, въ письмѣ къ тому же Потемкину, говорила: «Изъ письма твоего отъ 19-го мая вижу, что ты получилъ мое извѣщеніе о рожденіи моей внучки Екатерины; при семъ случаѣ родители ея оказались противу прежняго ко мнѣ гораздо ласковѣе, также почитаютъ. нѣкоторымъ образомъ, что я матери спасла животъ, ибо жизнь ея была 2½ часа въ немалой опасности отъ единого ласкательства и трусости окружающихъ ее врачей и видя сіе, во времени и кстати удалось мнѣ дать добрый совѣтъ, чѣмъ дѣло благополучно кончилось и теперь она здорова, а онъ собирается къ вамъ въ армію, на что я согласилась, и думаетъ отсегѣ выѣхать 20 іюня».

16-го мая, какъ пишетъ Храповицкій, Императрица просматривала списки, поданные графомъ Безбородкой къ производству въ чины; причемъ Государыня представленныхъ лицъ сравнивала въ старшинствѣ съ воинскими чинами и съ бывшимъ производствомъ при крещеніи вел. кн. Марія Павловны. Наконецъ, 21 мая, совершилось крещеніе вел. кн. Екатерины Павловны и Храповицкій отмѣчаетъ этотъ день слѣдующими словами: «Устали. Довольны-ли малымъ произведеніемъ? Давно служащіе могутъ быть порадованы».

Насколько быстро увѣдомляла Екатерина II въ своихъ письмахъ о рожденіи вел. кн. Екатерины Павловны, настолько неторопливо сообщали объ этомъ фактѣ официальныя извѣстія.

Въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», отъ 16-го мая 1788 г., въ № 39 появилось лишь извѣстіе, что «сего мая 10-го числа, въ исходѣ четвертаго часа пополудни, Ея И. В. Благовѣрная Государыня великая княгиня Марія Ѳеодоровна,

¹⁾ «Русская Старина», 1876 г. Т. XVI, стр. 460 и 464. Рескриптъ Потемкину о рожденіи вел. кн. Екатерины Павловны, отъ 11 мая 1788 г. См. въ «Сборн. Имп. Истор. Общ.», выпускъ XXI, стр. 489.

разрѣшилась благополучно отъ бремени великой княжной, которой нарѣчено имя Екатерина. Въ тотъ же день, вечеромъ, возвѣщено было здѣшнему городу сіе столь радостное происшествіе пушечною съ обѣихъ крѣпостей пальбою, а на другой и на третій день во всѣхъ здѣшнихъ церквахъ послѣ литургіи отправлялись благодарственные молебствія съ колѣно-преклоненіемъ. Въ № 41 тѣхъ же «Вѣдомостей» отъ 23-го мая было напечатано, что «мая 21 дня, въ праздникъ тезоименитства Ихъ Императорскихъ Высочествъ Государя Вел. Кн. Константина Павловича и Государыни Вел. Кн. Елены Павловны совершился обрядъ святаго крещенія Ея И. В. высоконоворожденной вел. кн. Екатерины Павловны, въ Царскомъ селѣ, по церемоніалу, изъ котораго видно, что высоконоворожденная Вел. Кн. Екатерина Павловна была принесена статсъ-дамою княгинею Екатериною Романовною Дашковою, (бывшею въ то же время президентомъ Академіи Наукъ) на золотой глазетовой подушкѣ, по сторонамъ которой шли по правую обѣръ-шенкѣ А. А. Нарышкинъ, а по лѣвую генераль-аншефъ Н. И. Салтыковъ, поддерживавшіе подушку и покрывало. Восприемницею отъ купели была сама Императрица, которой, по окончаніи молебна, принесено было отъ духовенства поздравленіе, причемъ преосвященный митрополитъ Гавріилъ, говорилъ Ея Величеству рѣчь, и вмѣстѣ съ прочимъ духовенствомъ допущенъ былъ къ рукѣ. Затѣмъ началась литургія, во время которой Государыня сама подносила вел. кн. Екатерину Павловну къ принятію Св. Тайнъ, а потомъ наложила на Ея Высочество орденъ Св. Екатерины. Въ полдень былъ обѣдъ, сервированный на 156 кувертовъ. Во время стола Ея Величество пила здоровье высоконоворожденной, причемъ стрѣляли изъ 31 пушки. Наслѣдникъ Цесаревичъ провозгласилъ тостъ за здоровье Императрицы, на что былъ произведенъ салютъ 51-мъ выстрѣломъ. Потомъ Государыня пила здоровье Ихъ Высочествъ, сопро-

вождавшееся 31 выстрѣломъ. Вечеромъ Петербургъ и Царское Село были иллюминованы».

Спустя недѣлю послѣ крещенія вел. кн. Екатерины Павловны, бабка ея, отъ 28 мая, писала Гримму: «Вамъ, думаю, уже извѣстно, что великая княгиня родила, слава Богу, 4-ю дочь, что приводитъ ее въ отчаяніе. Въ утѣшеніе матери, я дала новорожденной мое имя». Приводя эти строки, невольно вспоминается другое письмо Императрицы къ Гримму, писанное цѣлыхъ 10 лѣтъ ранѣе, о которомъ она, очевидно, забыла при рожденіи Екатерины Павловны, а въ немъ интересенъ отзывъ касательно ея имени, гдѣ есть доля пророчества, какъ увидить читатель ниже.

Вотъ это письмо:

Петербургъ. 8 іюля 1778 г.

Дочери всѣ будутъ плохо выданы замужъ, потому что ничего не можетъ быть несчастнѣе Россійской великой княжны. Онѣ не сѣмѣютъ ни къ чему примѣниться; все имъ будетъ казаться мелочно, это выйдутъ существа рѣзкія, крикуньи, охулительницы, красивыя, непослѣдовательныя, выше предразсудковъ, приличій и людской молвы. Конечно, у нихъ будутъ искатели, но это поведетъ къ безконечнымъ недоумѣніямъ, и хуже всѣхъ придется той, которая будетъ называться Екатериною: самое имя доставитъ ей больше непріятностей сравнительно съ сестрами. При всемъ томъ, можетъ случиться, что жениховъ не оберешься. Мнѣ бы хотѣлось помочь этому, назвавши всѣхъ ихъ, хотя бы народилось десять, именемъ Маріи. Тогда, мнѣ кажется, онѣ будутъ держать себя прямо заботиться о своемъ станѣ и цвѣтѣ лица, ѣсть за четверыхъ, благоразумно выбирать книги для чтенія и напоследокъ изъ нихъ выйдутъ отличныя гражданки для какой хочешь страны».

Первоначальное воспитаніе вел. кн. Екатерины Павловны, какъ и всѣхъ другихъ ея старшихъ сестеръ, происходило на глазахъ безсмертной ея прародительницы, причемъ воспитательницею великой княжны была графиня Ливенъ, суровый взглядъ которой одна великая княгиня умѣла перемѣнять на дружескую улыбку ¹⁾, а съ семилѣтняго возраста наставницею вел. кн. Екатерины Павловны была исключительно г-жа Алединская. Въ числѣ преподавателей находились: стат. совѣтн. Крафтъ, читавшій Ея Высочеству математику и извѣстный академикъ Генрихъ Шторхъ ²⁾, читавшій Екатеринѣ Павловнѣ политическую экономію, исторію, географію, а французскій языкъ читалъ швейцарецъ Де-Пюже, который своими смѣлыми сужденіями приобрѣлъ ненависть нѣкоего Хефлинга, съумѣвшаго навлечь на него подозрѣнія Павла I го, въ силу того, что онъ находился въ сношеніяхъ съ Лагарпомъ, воспитателемъ вел. кн. Александра Павловича. Поэтому доносу Де-Пюже былъ сосланъ въ Сибирь, но вскорѣ былъ возвращенъ и вновь опредѣленъ учителемъ при великихъ князяхъ. Впослѣдствіи онъ имѣлъ чинъ Статскаго Совѣтника, орденъ Св. Анны и уволенный отъ службы съ пенсіею, поселился въ своемъ отечествѣ.

Когда вел. кн. Екатеринѣ Павловнѣ было еще лишь два года, ея, бабка, Императрица Екатерина, писала о ней слѣдующую характеристику Гримму, отъ 18 сентября 1790 г.:

¹⁾ Шарлота Карловна Ливенъ, о которой Безбородко выразился: «Жаль, что генеральша Ливенъ не мужчина, она многимъ бы удобіе нашла воспитывать князей молодыхъ». См. подробности о ней: «Цесаревичъ Павелъ Петровичъ». Дмитрія Кобеко. Сиб. 1887 г.

²⁾ Генрихъ Шторхъ родился въ Ригѣ, въ 1766 г. Получилъ образованіе въ Іенскомъ и Гейдельбергскомъ университетахъ; затѣмъ путешествовалъ по Европѣ. Въ 1788 г. онъ былъ опредѣленъ профессоромъ литературы и исторіи въ сухопутный кадетскій корпусъ. Въ 1798 г. поступилъ наставникомъ при великихъ князяхъ, а въ послѣдствіи и при великихъ князьяхъ. Въ 1804 г. получилъ званіе академика; имъ издано на нѣмецкомъ языкѣ много важныхъ сочиненій по части статистики Россіи.

«О ней еще нечего сказать, она слишкомъ мала и далеко не то, что были братья и сестры въ ея лѣта. Она толста, бѣла, глазки у ней хорошенькіе, и сидитъ она цѣлый день въ углу съ своими игрушками, болтаетъ безъ умолку, но не говоритъ ничего, достойнаго замѣчанія». Но эта черта сосредоточенности не оставляла и въ послѣдствіи вел. кн. Екатерину Павловну, наставники которой удивлялись быстрымъ успѣхамъ ея ума, превосходившимъ способности и силы ея возраста. Въ ней съ каждымъ днемъ открывался умъ, господствовавшій надъ всѣми силами души; постоянная неутомимая дѣятельность, благоразумное распредѣленіе времени, необыкновенныя въ ея лѣта и принадлежащія, повидимому, одному мужскому полу, отличали ее съ малыхъ лѣтъ. Но всего драгоцѣннѣе было для нея слово Божіе: памятникомъ непрерывныхъ занятій чтеніемъ Св. Писанія остался послѣ ея смерти экземпляръ Евангелія, съ которымъ она не разставалась во всю свою жизнь и гдѣ многія мѣста отмѣчены ея рукою. Ея Высочество вел. кн. Екатерина Павловна была всегда прямодушна и высказывала открыто свои мысли и мнѣнія; такъ, при посѣщеніи Кіева, будучи введена митрополитомъ Серапіономъ и ризничимъ въ Кіевопечерскую церковь, она, поднявъ руки, сказала: «Сколько иконъ!.. а въ Певскомъ монастырѣ только четыре образа». Эти слова растрогали престарѣлыхъ монаховъ, которые залились отъ радости слезами. («Рус. Стар.» 1872 г. Т. VI, стр. 286).

Въ 1796 г., отъ 25 февраля, Императрица Екатерина писала тому же Гримму, что «вчера на маскарадѣ великія княжны Елизавета, Анна, Александра, Елена, Марія. Екатерина, придворныя дѣвицы всего двадцать четыре особы безъ кавалеровъ исполняли русскую пляску подъ звуки русской музыки, которая всѣхъ привела въ восторгъ и сегодня только и разговоръ объ этомъ и при дворѣ и въ городѣ».

Другихъ свидѣтельствъ, относящихся къ юности вел. кн. Екатерины Павловны, мы не имѣемъ. Знаемъ только, что въ послѣдствіи при ней, въ званіи фрейлины, находилась Ек. Ив. Муравьева, родственница Мих. Никит. Муравьева, воспитателя и друга Александра I-го. Вотъ отзывъ о ней г-жи Марковой-Виноградовой ¹⁾: «Она была совершенная красавица, съ темными каштановыми волосами и необыкновенно пріятными, добрыми карими глазами. Когда она входила, дѣлалось какъ будто свѣтлѣе и радостнѣе. Говорили, что Императоръ Александръ I-й восхищался ею и былъ даже влюбленъ». Насколько послѣднее вѣроятно — неизвѣстно, но что Александръ Павловичъ сердечно любилъ свою сестру Екатерину Павловну, — тому лучшимъ доказательствомъ можетъ служить то обстоятельство, что 10 мая въ день рожденія вел. кн. Екатерины Павловны происходило даже его обрученіе съ Елизаветою Алексѣевною ²⁾, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, что молодая красивая дѣвушка, родственница его друга, была назначена фрейлиной къ его любимой сестрѣ.

II.

Вопросъ о замужествѣ вел. кн. Екатерины Павловны былъ предметомъ чрезвычайно важнымъ среди заботъ вдовствовавшей Императрицы Маріи Ѳеодоровны, которая поручала приведеніе въ исполненіе своихъ замысловъ нашимъ посламъ кн. Куракину и Головкину, но ранѣе этого, именно во время эрфуртскаго свиданія Талейранъ по порученію Наполеона I-го, намекалъ Александру Павловичу объ упроченіи союза между Франціею и Россіею болѣе тѣсными узами посредствомъ брака съ Екатериною Павловною. «Александръ былъ не прочь со-

¹⁾ «Русскій Архивъ». 1884 г. Т. II; стр. 344.

²⁾ «Русская Старина». 1874 г. Т. III, стр. 516.

гласиться на этотъ бракъ, говорить въ своихъ воспоминаніяхъ графиня Шуазель-Гуфье ¹⁾, но встрѣтилъ такую сильную оппозицію со стороны Императрицы Маріи Ѳеодоровны и самой молодой великой княжны, что долженъ былъ имъ уступить. Онѣ обѣ были женщины съ характеромъ и открыто возстали противъ континентальной системы, принятой Александромъ. Наполеону пришлось въ первый разъ со времени своего возвышенія получить отказъ. Это была для него первая измѣна фортуны». По поводу этого же обстоятельства въ Запискахъ С. Мухановой («Русскій Архивъ». 1878 г. Т. I, стр. 307), говорится, что вел. кн. Екатерина Павловна сказала ея отцу: «я скорѣе пойду замужъ за послѣдняго русскаго истопника, чѣмъ за этого Корсиканца».

Державинъ въ строкахъ 6 куплета стихотворенія «Геба», написаннаго имъ по случаю бракосочетанія вел. кн. Екатерины Павловны съ принцемъ Георгіемъ Ольденбургскимъ въ слѣдующихъ словахъ, намекаетъ на вышесказанное обстоятельство:

«Кто бытъ могши самъ владѣтель.
Но ставъ волей унижень».

Въ нѣмецкой брошюрѣ, напечатанной въ Кенштадтѣ въ 1821 г., подъ заглавіемъ: «Katharine Pawlowna, Königin von Württemberg-Darstellungen aus der Geschichte ihres Geistes und Lebens», говорится, что великая княгиня никогда не могла полюбить того человѣка, который, въ бюллетенѣ послѣ Іенской битвы, такъ грубо оскорбилъ любимую ею королеву Прусску Луизу и тѣмъ показалъ свой жестокий характеръ и злопамятное сердце.

Относительно же собственно сватовства, или, вѣрнѣе говоря, пріисканія подходящихъ жениховъ для вел. кн. Екатерины Павловны, мы имѣемъ дошедшихъ до насъ цѣлыхъ 14

¹⁾ «Русская Старина». 1877 г. Т. III, стр. 587.

писемъ. писанныхъ княземъ А. Б. Куракинымъ въ теченіи 1807 года, начиная съ мая мѣсяца по ноябрь включительно: изъ Риги, Мемеля, Тильзита, Межерицы и Вѣны; всѣ эти письма напечатаны въ Русскомъ Архивѣ за 1868, 1869 гг., изъ которыхъ мы приводимъ лишь характеристики князя предлагаемыхъ имъ жениховъ для вел. кн. Екатерины Павловны: «усердно желавъ, какъ онъ самъ писалъ, найти средство дѣйствительно упрочить участь и будущее счастье Ея Высочества великой княгини, которой преданъ душою и сердцемъ на всю жизнь». Великая княгиня Екатерина Павловна была также расположена къ Куракину, что явствуетъ изъ слѣдующаго коротенькаго письма князя изъ Мемеля отъ 12¹/₃₀ мая: «Нынѣшній день все общество у принцессы Луизы говорило о прелестяхъ и достоинствахъ великой княгини Екатерины; для меня было великимъ наслажденіемъ видѣть, что ей воздаютъ должную справедливость даже на чужбинѣ, и я осмѣливаюсь просить Ваше Величество сообщить ей объ этомъ вмѣстѣ съ просьбою не измѣнять своего расположенія ко мнѣ». Расположеніе къ князю Куракину было унаслѣдовано великою княгинею отъ своего отца Императора Павла I-го, съ которымъ онъ вмѣстѣ учился въ дѣтствѣ и съ раннихъ лѣтъ возымѣлъ горячую, искреннюю привязанность къ своему царственному соученику. Эта благородная преданность составляла главную черту въ политической дѣятельности князя Куракина. Извѣстно по преданію, что въ царствованіе Екатерины, когда Павлу Петровичу случалась нужда въ деньгахъ, князь Куракинъ закладывалъ свои деревни для того, чтобы доставить помощь Цесаревичу. Извѣстно также, что онъ долго долженъ былъ проживать вдали отъ двора, въ одной изъ своихъ деревень въ Саратовской губ., которую онъ называлъ знаменательнымъ именемъ «Надеждино». Наконецъ надежда не обманула его и по восшествіи на престолъ Павелъ I удивилъ современни-

ковъ обиліемъ и разнообразіемъ наградъ, изливавшихся на преданнаго ему друга.

Первый женихъ, котораго, по мнѣнію князя Куракина, ради выгоды союза, кажется, желала и вел. кн. Екатерина Павловна, былъ Императоръ Австрійскій Францъ I ¹⁾. Но, не смотря на всѣ выгоды, могшія произойти отъ этого брака, для Россіи, мнѣнія этого не раздѣлялъ Императоръ Александръ I и вотъ что онъ говорилъ, какъ пишетъ Куракинъ: «Государь все-таки думаетъ, что личность императора Франца не можетъ понравиться и быть подъ пару великой княжны Екатеринѣ. Государь его описываетъ какъ дурнаго, плѣшиваго, тщедушнаго, безъ воли, лишеннаго всякой энергіи духа и разслабленнаго тѣломъ и умомъ отъ всѣхъ несчастій, которыя онъ испыталъ, трусливаго до такой степени, что онъ боится ѣздить верхомъ въ галопъ и приказываетъ вести свою лошадь въ поводу ²⁾. При этой послѣдней чертѣ я не удержался отъ смѣха и воскликнулъ, что это вовсе непохоже на качества великой княжны: она обладаетъ умомъ и духомъ, соотвѣтствующимъ ея роду, имѣетъ силу воли; она создана для тѣснаго круга; робость совершенно ей несвойственна; смѣлость и совершенство, съ которыми она ѣздитъ верхомъ, способны возбудить зависть даже въ мужчинахъ. Государь не согласенъ со мною въ томъ, что этотъ бракъ можетъ быть для насъ полезенъ въ политическомъ отношеніи; несмотря на всѣ мои доводы онъ утверждаетъ, что Ея Высочество его сестра и Рос-

¹⁾ Францъ I родился 12 февраля 1768 г. — 2 марта 1835 г. Былъ женатъ четыре раза. Вторая супруга его, Марія Терезія, принцесса обѣихъ Сицилій, скончалась 13 апрѣля 1807 г. Въ 1808 г., 6 іюня, онъ женился въ третій разъ на своей двоюродной сестрѣ, принцессѣ Моденской-Беатриксъ. Четвертая же супруга, Каролина, принцесса баварская, вышла за него разведшись съ Виртембергскимъ наслѣднимъ принцемъ Вильгельмомъ I, за котораго потомъ вышла, въ 1816 г., замужъ вел. кн. Екатерина Павловна.

²⁾ Всѣ эти черты Императоръ Александръ I-й наблюдалъ лично во время Аустерлицкаго похода.

сія ничего этимъ не выиграють и что, напротивъ, отношенія, которыя наступятъ между Россією и Австрією будутъ мѣшать намъ выражать, какъ слѣдуетъ, наше неудовольствіе Австріи всякій разъ, когда она поступитъ дурно, а такъ она часто поступаетъ. Онъ утверждаетъ еще, что великая княгиня испытаетъ только скуку и раскаяніе, соединившись съ супругомъ столь ничтожнымъ физически и морально, какъ Императоръ Францъ, что она скоро это увидитъ и что наконецъ не будетъ имѣть вліянія на государственныя дѣла Австріи, потому что для достиженія этого не захочетъ, какъ онъ убѣжденъ, прибѣгать къ тѣмъ средствамъ, которыя употребляла покойная Императрица, супруга Франца». Кроме того, этотъ бракъ встрѣчалъ затрудненія и въ томъ отношеніи, что родной братъ Франца I-го эрцгерцогъ Іосифъ, палатинъ Венгерскій былъ женатъ на сестрѣ вел. кн. Екатерины — Александрѣ (1783 † 1801). Впрочемъ кн. Куракинъ не смотрѣлъ на это какъ на препятствіе и приводилъ Государю въ примѣръ знаменитаго Юрія Вл. Долгорукаго (1740 † 1830), женатаго на гр. Ек. Ал. Бутурлиной, на родной сестрѣ которой, Варварѣ, былъ женатъ его родной братъ, Василій (1738 † 1782). Намъ кажется, что соображенія Императора Александра I исполнѣ раздѣляла и вел. кн. Екатерина, такъ какъ изъ Тильзита, отъ 10 іюня, послѣ вышеприведеннаго письма, князь Куракинъ писалъ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ: «Умоляю Ваше Величество выразить отъ меня Ея Высочеству вел. кн. Екатеринѣ мое крайнее огорченіе о томъ, что она до сихъ поръ не почтила меня ни одной строчкой, между тѣмъ, какъ Багратионъ получилъ отъ нея, какъ онъ мнѣ говорилъ, уже три письма. Узнавъ это, я не могу преодолѣть чувства зависти, которое не могу не выразить ей чрезъ Ваше Величество».

Изъ Тильзита же, отъ 28-го іюня, кн. Куракинъ писалъ слѣдующее о новыхъ претендентахъ на руку вел. кн. Екатерины, только что имъ видѣнныхъ: «Я долженъ донести Ва-

пему Императорскому Величеству, что на дняхъ я познакомился въ домѣ Императора Наполеона за одинъ разъ съ Баварскимъ наслѣднымъ принцемъ и принцемъ Генрихомъ Прускимъ. Они оба оказали мнѣ множество учтивостей; оба они зайки. Принцъ Генрихъ, больше ростомъ и красивѣе, замѣчается менѣе, чѣмъ наслѣдный принцъ. Что касается послѣдняго, его наружность весьма невыгодна; ростъ его средній; онъ рыжъ, рабъ, зайка и, какъ увѣряють, тугъ на ухо; но онъ, кажется, весьма кротокъ, добръ, твердаго и превосходнаго характера; въ этомъ ему отдаютъ справедливость даже французы. Онъ ко мнѣ былъ внимателенъ, какъ только могъ, и два раза приходилъ ко мнѣ. Все-таки я откровенно сознаюсь Вашему Величеству, что по моему ни одинъ изъ этихъ принцевъ недостоинъ руки Ея Высочества вел. кн. Екатерины и что она не можетъ быть счастлива ни съ тѣмъ, ни съ другимъ».

III.

Черезъ три мѣсяца, именно отъ 27 сентября, кн. Куракинъ въ своемъ письмѣ изъ Вѣны, говорилъ: «Остается намъ только обречь на совершенное забвеніе самое существованіе прежняго проекта, т. е. бракъ съ Францемъ I, который мнѣ изъ первыхъ улыбался, пока я не былъ на мѣстѣ, гдѣ пришлось бы его осуществить. Нѣтъ сомнѣнія, что все должно навести Ваше Величество и Государя Императора на иные виды для супружества вел. кн. Екатерины Павловны. Не имѣя возможности опровергать причины, по которой великой княгинѣ было бы тягостно отдать свою руку королевскому принцу Баварскому (такъ какъ послѣдній сражался противъ насъ съ французами) и не находя самъ, что онъ былъ для нея достаточно любезенъ, хоть онъ имѣетъ отличное сердце и ему предстоитъ сдѣлаться однимъ изъ самыхъ могуществен-

ныхъ владѣтелей Германіи, я останавливаюсь на тѣхъ трехъ принцахъ, которыхъ Ваше Величество благоизволили назвать мнѣ, какъ могущихъ быть достойными Вашей Августѣйшей дочери и придтись ей по сердцу. Не премину собрать о каждомъ изъ нихъ самыя достовѣрныя и подробныя свѣдѣнія; всего труднѣе мнѣ будетъ собрать ихъ о королевскомъ принцѣ Виртембергскомъ, но, Ваше Величество, позвольте изложить мнѣ Вамъ на счетъ этихъ принцевъ слѣдующія замѣчанія: королевскій принцъ, Вашъ племянникъ, изъ всѣхъ троихъ имѣетъ самое блестящее положеніе; хвалятъ его наружность; но не могу предполагать, чтобы въ своихъ вкусахъ и правилахъ онъ былъ столь же чистъ и строгъ, какъ оба эрцгерцога. Страсть, которую онъ питаетъ къ дѣвицѣ Абель, упорство, съ которымъ онъ настаивалъ на бракѣ съ нею, не совсемъ правильное его поведеніе относительно короля, его отца, внушаетъ мнѣ это мнѣніе; а затѣмъ бракъ съ нимъ слишкомъ бы отдалилъ великую княгиню отъ ея родины и не былъ бы столь согласенъ съ политическими интересами Россіи, какъ брачный союзъ съ австрійскимъ домомъ ¹⁾. Молодой эрцгерцогъ Фердинандъ при блестящей репутаціи храбрости, которую онъ стяжалъ во время кампаніи 1805 года, при всѣхъ

¹⁾ О принцѣ Виртембергскомъ Вильгельмѣ, который впоследствии былъ вторымъ мужемъ Екатерины Павловны, мы сообщимъ біографическія свѣдѣнія далѣе, а теперь изъ письма Куракина изъ Вѣны, отъ 3 ноября, приведемъ любопытное описаніе его личности: «Принцъ Вильгельмъ имѣетъ красивую наружность, очень уменъ и любезенъ, но сердца его не хвалятъ; онъ проходитъ такую школу, видитъ передъ собою такіе примѣры жестокосердія, которые заставляютъ ожидать отъ него поведенія, подобнаго отцовскому: онъ не отличается свѣжестью чувствъ и нравы его всегда были правами вѣка. Его связь съ дѣвицею Абель, отъ которой, какъ говорятъ, у него двое дѣтей, не есть единственная, которую за нимъ знаютъ, и по всѣмъ этимъ причинамъ, мнѣ кажется, что Ваше Величество не можете о немъ думать». Въ нѣмецкихъ книгахъ есть указаніе на то, что будто бы вел. кн. Екатерину Павловну прочли также въ супруги принцу Евгению Виртембергскому, съ которымъ она была однихъ лѣтъ; въ своихъ воспоминаніяхъ (см. «Рус. Арх.». 1878. Т. I, стр. 60), онъ говоритъ о великой княгинѣ слѣдующее: «Кузина Екатерина однихъ со мною лѣтъ, пра-

своихъ отличныхъ качествахъ, наконецъ при красивой наружности, которую ему приписываютъ, есть лишь второй въ вѣтви третьяго колѣна въ своемъ семействѣ, не имѣетъ ни состоянія, ни удѣла, у него нѣтъ иныхъ средствъ кромѣ службы и онъ не можетъ имѣть притязаній на такое-же положеніе, какъ эрцгерцоги, братья императора. Одинъ эрцгерцогъ Іоаннъ, признаюсь, составляетъ предметъ моихъ желаній, ибо по впечатлѣнію, которое онъ произвелъ на меня, когда онъ далъ мнѣ аудіенцію, я убѣжденъ, что его мужественная красота и его любезность могутъ тронуть сердце великой княгини въ той же мѣрѣ, какъ онъ достоинъ ея руки по рожденію и по заслугамъ». Далѣе въ этомъ же письмѣ кн. Куракинъ описываетъ разговоръ свой съ графомъ Стадіономъ, который называлъ ему всѣхъ эрцгерцоговъ, «для того, чтобы мы могли сговориться насчетъ того изъ нихъ, котораго мы найдемъ наиболѣе соответствующимъ нашимъ намѣреніямъ. При имени эрцгерцога Фердинанда, великаго эрцгерцога Вюрцбургскаго, я сказалъ, что уже давно ходитъ слухъ о его намѣреніи вступить во второй бракъ, и что, какъ мнѣ кажется, его лѣта не довольно подходятъ къ лѣтамъ вел. кн. Екаторины Павловны. При имени эрцгерцога Палатина, о которомъ онъ увѣрялъ, что знаетъ объ особенной привязанности его къ вел. кн. Екаторинѣ со времени послѣдняго его пребыванія въ Петербургѣ¹⁾, я сказалъ, что правила нашей церкви не допускаютъ, чтобы двѣ сестры выходили за одного и того же мужа. Эрцгерцога Антона, какъ гротмейстера Тевтонскаго Ордена, мы пропустили, не смотря на вѣроятность скорой секуляри-

вилась мнѣ менѣе кузини Маріи. Мрачная и серьезная, но преждевременно развитая и сознававшая это, она отталкивала меня своею чопорностью. Обѣ великія княжны были прекрасны. Первая (Марія) имѣла черты матері; вторая, когда говорила, была похожа на отца, но, къ удивленію, наперекоръ этому сходству—все-таки очаровательна».

¹⁾ Онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ уже вдовцомъ въ 1803 г. (См. «Записки гр. Комаровскаго» въ «Русскомъ Архивѣ» 1867 г., стр. 750).

заціи его владѣній. Наконецъ, мы остановились на эрцгерцогѣ Іоаннѣ, наружность и качества коего столь прекрасны; онъ похвалилъ его характеръ, его прилежаніе, его правила, присовокупляя, что всѣ дѣти Императора Леопольда были очень хорошо воспитаны, что всѣ онѣ религіозны. Это много, но это еще не все, отвѣчалъ я ему — каково его положеніе въ настоящее время, какое содержаніе можно будетъ ему дать по случаю его брака, какое благосостояніе онъ можетъ обезпечить за своимъ потомствомъ, ибо не съ пенсією же въ 24,000 флориновъ можетъ онъ представиться искателемъ руки русской великой княжны. Обыкновенно содержаніе эрцгерцога, вступающаго въ бракъ, составляетъ отъ 50,000 до 60,000 флориновъ въ годъ. Эта сумма, возразилъ я, также весьма недостаточна; но между правилами ариметики не существуетъ ли и умноженія и нельзя-ли бы было приложить его въ этомъ случаѣ? О, конечно, и даже утроить эти 50,000 флориновъ, отвѣчалъ Стадіонъ. Очень хорошо, сказалъ я, на доходъ въ 150,000 флориновъ можно согласиться, но къ нему слѣдовало бы присовокупить генераль-губернаторство съ пріятною и приличною резиденцією, ибо молодая чета была-бы стѣснена и не могла-бы считать себя пристроенною надлежащимъ образомъ, если бы ей нельзя было никогда оставлять Вѣну, и что для этого, по моему мнѣнію, можно было бы избрать Богемію, и сдѣлать Прагу резиденцією эрцгерцога или обѣ Галиціи, причемъ онъ жилъ бы въ Лембергѣ или Краковѣ; что я нахожу жизнь въ Прагѣ для него удобною по причинѣ прекраснаго и обширнаго тамошняго замка, но что онъ и великая княгиня предпочли бы, можетъ быть, жить въ Лембергѣ по причинѣ сосѣдства съ Россією. Графъ Стадіонъ возразилъ мнѣ, что со времени утраты Нидерландовъ и Миланской области, Императоръ уже не располагаетъ генераль-губернаторскими мѣстами и что ему было бы затруднительно создать новое, потому что всѣ провинціи, составляющія теперь Австрійскую

Монархію, соединены въ одно цѣлое и подчинены одной администраціи». Это длинное письмо, полное личныхъ соображеній кн. Куракина, изъ котораго нами извлечены вышеизложенныя мѣста, онъ оканчивалъ слѣдующими строками: «Я такъ одушевился чувствомъ, привязывающимъ меня къ Вашему Величеству и къ Государынѣ великой княгинѣ, что нечувствительный къ тѣлесной усталости и не щадя своихъ глазъ, я не оставлялъ письменнаго стола отъ вечера до семи часовъ утра, чтобы разомъ окончить это письмо, содержащее подробное донесеніе о всемъ, что я могъ до сихъ поръ сдѣлать, узнавъ послѣднія Ваши распоряженія, чтобы успокоить Васъ и сослужить посильную службу вел. кн. Екатеринѣ Павловнѣ. Нѣтъ того, чего бы я не сдѣлалъ, чтобы доказать ей живое участіе, принимаемое мною въ ея счастіи; я обожаю въ ней память, геній и самыя черты покойнаго Государя, моего благодѣтеля. Я буду вполне счастливъ, если Ваше Величество не будете довольны мнимою конфиденціею, которую я счелъ нужнымъ сдѣлать Стадіону и оборотомъ, который я ей далъ и если Вы соблагovolите сказать мнѣ, что все сказанное и сдѣланное мною удостоилось Вашего одобренія. Нѣтъ обстоятельствъ въ моей жизни, въ которыхъ я не нуждался бы въ Вашемъ благоволеніи».

Слѣдующее письмо, отъ 3-го ноября, князь Куракинъ начиналъ словами: «Я взбѣшенъ, я огорченъ, могу сказать, я безутѣшенъ въ томъ, что долженъ отказаться отъ столь пріятной надежды, которою я питался со времени моего конфиденціального разговора съ гр. Стадіономъ. Радущіе, съ коимъ онъ раздѣлялъ мои чувства, соображеніе взаимныхъ выгодъ и для Россіи и для Австріи, ожидаемыхъ отъ скрѣпленія союза, нынѣ между ними существующаго, узами родства между ихъ Монархами, все возбуждало во мнѣ надежду, что мысль моя будетъ схвачена на лету, что ее постараются осуществить безотлагательно, давъ мнѣ удовлетворительный от-

вѣтъ насчетъ всѣхъ пунктовъ, возбудившихъ во мнѣ сомнѣніе или безпокойство, что мнѣ придется Вашему Величеству писать лишь пріятныя донесенія; наконецъ, что я близокъ къ исполненію любимаго моего желанія, и что мнѣ удастся содѣйствовать устроенію будущей судьбы и счастья вел. кн. Екатерины Павловны. Я радовался напередъ тому удовольствію, которое я при этомъ бы испыталъ. Я ожидалъ съ нетерпѣніемъ возвращенія Императора и того, что скажетъ мнѣ Стадіонъ, повидавшись съ нимъ. Но, такъ какъ уже прошла недѣля съ пріѣзда Франца I-го, а Стадіонъ все молчалъ, то выведенный изъ терпѣнія этою сдержанностью съ его стороны, не предвѣщавшей ничего добраго и движимый усердіемъ къ великой княгинѣ, желая успѣть какъ можно скорѣе въ томъ, что я для нея предпринялъ, или, по крайней мѣрѣ, узнать, что можетъ заставить меня отказаться отъ моего предпріятія, я отступилъ отъ своего намѣренія хранить молчаніе, пока его не прерветъ самъ Стадіонъ». Затѣмъ слѣдуетъ описаніе вчерашняго разговора, въ которомъ Стадіонъ передалъ, что Императоръ находитъ весьма затруднительнымъ всякій способъ, который могъ бы обезпечить судьбу и благосостояніе потомства его брата. Въ слѣдующемъ письмѣ отъ 16 ноября кн. Куракинъ пишетъ о придуманной имъ поѣздкѣ эрцгерцоговъ Іоанна и Фердинанда въ Петербургъ на время масляницы, о чемъ онъ сообщилъ Стадіону. Наконецъ отъ 22 ноября князь Александръ Борисовичъ писалъ, что и этотъ второй его планъ не удался и оканчивалъ свое донесеніе къ Императрицѣ такими словами: «Плохой успѣхъ первой моей попытки уже огорчилъ меня; послѣ того, какъ вторая, предпринятая съ новою надеждою и подъ иной фирмою, оказалась столь же неудачною, признаюсь, что происходящія отъ того огорченія и досада, внушаютъ мнѣ отвращеніе къ Вѣнѣ и ко всѣмъ тѣмъ, съ которыми мнѣ въ ней приходится поддерживать служебныя отношенія».

Болѣе писемъ отъ князя Куракина ¹⁾ мы не знаемъ и надо предполагать, что ихъ и не было, такъ какъ отъ 29 декабря того же 1807 года гр. Головкину, извѣстному своимъ путешествіемъ въ Китай, дана была инструкція отъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, которая напечатана въ «Русской Старинѣ» за 1887 г. ²⁾, причемъ поставлялось имѣть въ виду тѣ-же три партіи: принца Баварскаго, принца Виртембергскаго и одного изъ австрійскихъ эрцгерцоговъ, именно Фердинанда, къ которому, какъ писала Императрица въ инструкціи, располагала ее военная его слава, качества ума, наружность, чистота нрава и любезный характеръ. Попытка женить Фердинанда на вел. кн. Екатеринѣ Павловнѣ была дѣлаема и ранѣе, но осталась безъ послѣдствій по причинѣ затрудненій, встрѣченныхъ при устройствѣ положенія младшихъ принцевъ императорскаго дома, какъ говорилось въ инструкціи, а потому Головкину приказывалось предложить принцу переселиться въ Россію, «за что ему будетъ дана рука моей дочери и предоставлено ему съ потомствомъ его такое выгодное и блестящее существованіе, о какомъ ему въ Австріи никогда нельзя будетъ и мечтать». Сверхъ значительнаго капитала и приданнаго ему предлагали:

- 1) Званіе фельдмаршала.
- 2) Управленіе Лифляндіею и Курляндіею или другою какою либо губерніею.
- 3) Пенсію въ 150,000 рублей, изъ коихъ 50,000 будутъ ежегодно отеладываться въ банкъ, для образованія капитала изъ нихъ въ пользу дѣтей.
- 4) Приданое въ 50,000 рублей для каждой рожденной отъ этого брака дочери.

¹⁾ Портретъ кн. А. Б. Куракина гравированъ Н. И. Уткинымъ и принадлежитъ къ лучшимъ работамъ этого профессора, но мѣдная доска въ 1812 г. была утеряна, а потому оттиски этого портрета чрезвычайно рѣдки и находятся лишь въ большихъ коллекціяхъ гравюръ.

²⁾ См. Т. III, стр. 668.

5) Обезпеченіе пенсією въ 50,000 рублей въ случаѣ, если принцъ переживетъ свою супругу и выйдетъ тогда изъ Россіи.

IV.

Однако и эта новая миссія, возложенная на Головкина, не привела къ желаннымъ результатамъ. Около этого времени явились два претендента на руку великой княгини, это были принцъ Леопольдъ Кобургскій, генералъ-маіоръ русской службы и принцъ Георгъ Гольштейнъ-Ольденбургскій. Выборъ между двумя претендентами былъ довольно труденъ; каждый изъ нихъ обладалъ высокими нравственными качествами и большою отвагою. Долго колебалась великая княгиня, но, наконецъ, она отдала предпочтеніе принцу Георгу ¹⁾, большому знатоку нѣмецкой литературы и почитателю Шиллера. 1 января 1809 г. вел. кн. Екатерина Павловна была обручена съ Петромъ-Георгомъ, принцемъ Гольштейнъ-Ольденбургскимъ, а 18-го апрѣля того же года и повѣнчана съ нимъ. Въ приданое вел. кн. Екатерина Павловна получила 2.242,000 руб. ²⁾. Родоначальникомъ Ольденбургскаго дома считается, какъ извѣстно, Фридрихъ I, король Датскій (1471 † 1533). Отъ него собственно пошли двѣ линіи — одна Датская, а другая — Гольштейнъ-Готторпская. Эта послѣдняя, въ свою очередь, распалась на двѣ отрасли, изъ которыхъ одна положила начало нынѣ царствующей династіи въ Россіи, а другая — династіи Шведской и Ольденбургской. Первымъ герцогомъ Гольштейнъ-

¹⁾ Принцъ Георгъ Ольденбургскій въ своемъ стихотвореніи, написанномъ на праздникъ 28 октября 1808 г., говорить, что онъ не страшился опаснаго соперника и дѣлалъ маневръ, благодаря которому находится теперь въ радостномъ омыненіи и которому сегодня еще разъ приноситъ благодарность за позднѣйшее счастье свое. Точно также изліяніе о своемъ семейномъ счастьи онъ выразилъ вторично въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ стихотвореній подъ названіемъ „Die Gegenwart“.

²⁾ См. «Сборн. Имп. Истор. Общ.». Т. 45, стр. 429.

Готторпскимъ былъ Адольфъ (1526 † 1582). Въ Россіи сдѣлалась господствующею эта династія со времени Павла I-го, наслѣдовавшаго престолъ послѣ Императрицы Екатерины II, дочери Христіана Августа, принца Ангальтъ-Цербскаго, бывшей замужемъ за Карломъ-Петромъ-Ульрихомъ, герцогомъ Гольштейнъ-Готторпскимъ, ставшимъ Императоромъ русскимъ подъ именемъ Петра III-го.

Мужъ Екатерины Павловны, принцъ Петръ-Георгъ, происходилъ непосредственно отъ младшей линіи Гольштейнъ-Готторпской. Ближайшимъ его родственникомъ по прямой, восходящей линіи былъ родной братъ короля Шведскаго Адольфа, Фридрихъ Августъ, двоюродный братъ Императора Павла Петровича. который, по присоединеніи Гольштейнъ-Готторпскаго герцогства къ Россіи, предложилъ Даніи промѣнять Ольденбургъ на наслѣдственные владѣнія готторпскаго дома въ Шлезвигѣ и Гольштиніи. Согласіе Даніи воспослѣвало въ 1773 году и великій князь Павелъ Петровичъ тотчасъ передалъ права владѣнія Ольденбургомъ и Дельменгорстомъ своему кузену. Въ 1774 году эти измѣненія были утверждены германскимъ Императоромъ, который переименовалъ графство въ герцогство и на германскомъ сеймѣ герцогу Ольденбургскому далъ право голоса, принадлежавшее старшей Готторпской линіи. Фридрихъ Августъ умеръ въ 1785 году. Его сынъ и наслѣдникъ былъ одержимъ припадками помѣшательства; вслѣдствіе чего регентство было ввѣрено двоюродному его брату, епископу Любекскому Петру-Фридриху-Людовику. Въ 1803 году епископство Любекское, преобразованное въ наслѣдственное княжество, вмѣстѣ съ округами Вехты и Клоппенбурга (епископства Мюнстерскаго) и Ганноверскимъ округомъ Вильдесгаузена, были присоединены къ герцогству Ольденбургскому, а 14-го октября 1808 года вошли въ составъ Рейнскаго союза, образованнаго подъ протекторатомъ Наполеона I-го. Къ этому времени, т. е. къ

осени 1808 года и относигся прїѣздъ Петра-Фридриха-Людвига ¹⁾ со своимъ сыномъ Георгомъ (родился 27-го апрѣля 1784 г.), въ Петербургѣ. Для ихъ помѣщенія былъ отведенъ Аничковскій дворецъ, гдѣ всей гвардіи генералы, штабъ и оберъ-офицеры были имъ представлены ²⁾. Негласное же объявленіе о бракѣ Екатерины Павловны съ герцогомъ Гольштейнъ-Ольденбургскимъ стало извѣстно 10 ноября ³⁾, именно отъ этого числа въ письмѣ Ж. де-Местра изъ Петербурга въ Италію, къ кавалеру Росси, говорится слѣдующее: «сегодня этотъ бракъ уже внѣ сомнѣнія, хотя о немъ и не извѣщено официально. Происхожденіе жениха самое почетное, ибо онъ, какъ и Императоръ, принадлежитъ къ Гольштейнскому дому. Въ прочихъ отношеніяхъ бракъ этотъ неравный, но, тѣмъ не менѣе, благоразумный и достойный великой княгини, которая столько же благоразумна, какъ и любезна. Во первыхъ, всякая принцесса, семейство которой пользуется страшною дружбой Наполеона, поступаетъ весьма дѣльно выходя замужъ даже нѣсколько скромнѣе, чѣмъ имѣла-бы право ожидать; ибо кто можетъ поручиться за все то, что можетъ онъ забрать въ свою чудную голову: Къ тому же, великая княгиня помнить о несчастной судьбѣ своихъ старшихъ сестеръ, послѣдовавшихъ за своими мужьями въ чужія страны и скончавшихся въ цвѣтѣ лѣтъ ⁴⁾; не удивительно, что первое ея желаніе заключалось въ томъ, чтобы не оставлять своей семьи

¹⁾ Принцъ Петръ Фридрихъ-Людвигъ и его братъ Вильгельмъ Августъ при Павлѣ I опредѣлены были въ русскую службу, первый къ графу Румянцеву въ Дунайскую армію, а во второй во флотъ, гдѣ, находясь на кораблѣ «Іезикиель», утонулъ 3 іюля 1774 г. въ Ревельской бухтѣ, упавъ съ мачты.

²⁾ См. «Русскій Архивъ». 1880 г. Записки Эйлера.

³⁾ Авторъ письма напоминаетъ здѣсь объ Александрѣ († 1801 г.) и Еленѣ Павловнѣ († 1803 г.). О первой изъ нихъ прекрасный очеркъ ея жизни написалъ Е. П. Карновичъ въ своей книгѣ «Замѣчательныя и загадочныя личности XVIII и XIX столѣтій». Спб. 1884 г., а о второй существуетъ «Краткое воспоминаніе о вел. кн. Еленѣ Павловнѣ, наслѣдной принцессѣ Мекленбургъ-Шверинской», пер. съ нѣм. Спб. 1806 г.

и милой ей Россiи, ибо принцъ поселяется здѣсь и вы можете себѣ представить, какая ожидаетъ его блестящая судьба. Наконецъ полагаю, что принцессѣ, достойной своего званiя, нѣтъ никакой охоты вступать въ Рейнскiй союзъ, выходя замужъ за какого-либо принца, подчиненнаго великому владычеству. Вотъ что мнѣ представляется и я не думаю, чтобы я ошибался. Ни что не сравнится съ добротою и привѣтливостью великой княгини. Если бы я былъ живописецъ, я послалъ бы Вамъ изображенiе ея глазъ. Вы бы увидѣли, сколько природа заключила въ нихъ доброты и ума. Что касается до принца, то здѣшнiя дѣвицы не находятъ его достаточно любезнымъ для его августѣйшей невѣсты, но такъ какъ быть таковымъ трудно, то можно согласиться съ дѣвицами, сохраняя уваженiе къ принцу по двумъ разговорамъ, коими онъ меня удостоилъ, онъ показался мнѣ исполненнымъ здраваго смысла и познанiй. Онъ уже обратилъ на себя вниманiе въ качествѣ Ревельскаго Генералъ-Губернатора; онъ всѣми силами старается усвоить себѣ русскiй языкъ и по всему видно, что главная его забота снискать благорасположенiе своей новой родины. Какая судьба въ сравненiи съ судьбою многихъ принцевъ! Счастливъ онъ, что онъ младшiй». На бракосочетанiе Екатерины Павловны Державинъ, какъ мы выше уже сказали, написалъ стихотворенiе «Геба», въ которомъ, между прочимъ, такъ описалъ наружность великой княгини:

Что таинственна картина
 Что явленье дѣвы сей?
 По челу—Екатерина
 По очамъ—огнь Павловъ въ ней.

И кончалъ стихотворенiе свое такъ:

Со Георгiемъ на брани,
 Въ поприщѣ съ тобой наукъ,
 Мы сбережъ трофеевъ дани:
 Грянетъ Александровъ звукъ!
 Славься имъ, Екатерина,
 Славься Россiянкой быть.

За нѣсколько дней до своей свадьбы Екатерина Павловна вмѣстѣ со своимъ женихомъ, Императрицею Марією Теодоровною и сестрою Марією и ея мужемъ, какъ сообщалось въ № 33 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», 13 апрѣля были въ домѣ Академіи Наукъ, у академика Адамса, и смотрѣли извѣстный скелетъ найденнаго имъ мамонта. Вскорѣ принцъ Георгъ Ольденбургскій былъ назначенъ главноуправляющимъ путями сообщенія и генералъ-губернаторомъ Тверскимъ, Новгородскимъ и Ярославскимъ. Резиденцію для принца была избрана Тверь, гдѣ для него былъ отдѣланъ заново дворецъ, существующій тамъ до сихъ поръ, онъ находится близъ рѣки Тьмаки, между Милліонной улицей и набережною рѣки Волги. Близъ дворца разведенъ прекрасный тѣнистый садъ, часть котораго въ настоящее время составляетъ одно изъ любимыхъ мѣстъ для гулянья мѣстныхъ жителей, но въ Тверь молодая чета переехала не ранѣе послѣднихъ чиселъ августа мѣсяца, какъ о томъ говоритъ въ своихъ воспоминавіяхъ Теодоръ Петровичъ Лубяновскій, бывшій секретаремъ принца ¹⁾. Приводимъ изъ нихъ слѣдующія строки, имѣющія живой интересъ: «Не могъ я желать, а не исполнивъ неоднократно требованія Д. А. Гурьева, предварительно представиться принцу и великой княгинѣ, тѣмъ еще менѣе могъ ожидать такой благосклонности и такого, не лгу, радушія, съ какимъ былъ принятъ принцемъ, герцогомъ отцемъ его, по тогдашней молвѣ, Несторомъ германскихъ владѣній и вел. кн. Екатериною Павловною: не случилось еще мнѣ стоять на такомъ крупномъ дождѣ лестныхъ привѣтовъ. Вошелъ я къ принцу съ одной запиской, а вышелъ со связкой бумагъ: съ того же дня началось его управленіе. Надо было, спуская съ рукъ, что не терпѣло отлагательствъ, спѣшить образовать губернскую кан-

¹⁾ См. «Русскій Архивъ». 1872 г., стр. 495, 500, 501—504.

целярію ¹⁾ и учредить управление водными и сухопутными сообщеніями, вообще въ хронологію достопамятныхъ происшествій Россійской Имперіи.

Принцъ самъ представилъ меня Императрицѣ матери, которая Всемиловѣйше изволила, между прочимъ, сказать мнѣ: «*soyez des notres*» (будьте однимъ изъ нашихъ). Такъ вдругъ повезло мнѣ, что я, сидя съ родными за столомъ въ свои именины, неожиданно получилъ отъ принца записку въ пріятѣйшемъ тонѣ со спискомъ съ Высочайшаго, подписаннаго того числа, указа Сенату о пожалованіи меня въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

Въ послѣдней половинѣ августа 1809 г. ²⁾ великая княгиня и принцъ отправились въ новую свою резиденцію въ Тверь, чрезъ Шлиссельбургъ и Ладогу, принцъ хотѣлъ видѣть Ладожскій каналъ, Маріинскую систему и Матко—озеро. Оттуда я воротился въ столицу съ изустнымъ отъ принца донесеніемъ, на которое удостоился принять отъ Императора для передачи принцу изустныя же Высочайшія повелѣнія.

Со вступленіемъ въ новый 1810 годъ, мнѣ все еще было весьма недурно у Тверскаго двора; всего же обворожительнѣе было то, что великая княгиня рѣдкій день не входила въ кабинетъ къ принцу при мнѣ и не удостоивала меня разговаривать съ нею; счастье, которое я приписывалъ прежде всего отсутствію лучшихъ интересовъ при сокращенномъ дворѣ, но которое оттого не было для меня менѣе лестно. Богатый, возвышенный и быстрый, блистательный и рѣзкій умъ изливался изъ устъ Ея Высочества съ волшебною силою пріятности въ рѣчи. Съ большимъ любопытствомъ она спрашивала и же-

¹⁾ На службѣ въ числѣ чиновниковъ этой канцеляріи находились Аркадій и Демьянъ Васильевичи Кочубен. (См. «Русская Старина». 1878 г. Т. XXIII, стр. 547).

²⁾ Все это вел. кн. Екатерина Павловна со своимъ супругомъ жила въ Павловскѣ, въ Константиновскомъ дворцѣ.

лала имѣть подробнѣйшія свѣдѣнія о лицахъ, но не прошедшаго вѣка, а современныхъ, не жаловала скромныхъ и почти-тельныхъ моихъ отзывовъ; не вѣрила имъ, любила сама говорить о всемъ и обо всемъ; начиная съ самой высшей ступени, никого не помню, мимо кого Ея Высочество изволила-бы молча пройти, а заключенія ея всегда были коротки, полны, рѣшительны, часто нещадны. Есть души выспреннія, которыя могутъ быть довольны лишь совершенствомъ и въ глазахъ которыхъ за то все бѣдно, слабо, низко и блѣдно, гдѣ еще замѣтны недостатки. Не потаю грѣха: слушая, нерѣдко я изумлялся. Самъ принцъ, праведный Іосифъ въ тѣни, не всегда въ такихъ случаяхъ былъ равнодушенъ. Отсюда я начиналъ въ тайнѣ сердца бояться за М. М. Сперанскаго ¹⁾ и за самого себя. Приглашали меня на вечера къ Ея Высочеству, когда гости одинъ за однимъ изъ Москвы пріѣзжали. Здѣсь между прочимъ отъ графа А. И. Мусина-Пушкина, очевидца, я слышалъ всю исторію условленнаго, но несбывшагося обрученія вел. кн. Александры Павловны съ шведскимъ королемъ. Поразительное дѣйствіе этой неожиданной неудачи на оскорбленную Императрицу графъ Растопчинъ отиѣнно искусно представлялъ въ лицахъ разные случаи изъ царствованія Императора Павла, между многимъ знаменательное объявленіе вой-

¹⁾ Среди лицъ недовольныхъ Сперанскимъ была вел. кн. Екатерина Павловна, Растопчинъ и Карамзинъ, которые были убѣждены искренно, если и несправедливо, во вредномъ вліяніи Сперанскаго. Когда со всѣхъ сторонъ готовилось паденіе его, вотъ собственно какое обстоятельство рѣшило судьбу Сперанскаго. Во время шведской революціи, низвергшей съ престола послѣдняго Вазу, одна изъ придворныхъ партій, благопріятствовавшая Россіи, прислала втайнѣ своего депутата спросить Сперанскаго (какъ довѣреннаго и полномочнаго друга Царя), согласится-ли Государь отпустить на престолъ шведскій супруга вел. кн. Екатерины Павловны, для того, чтобы, начавши дѣйствовать въ его пользу, не получить отказа на формальное предложеніе. Сперанскій, по своей злобѣ къ великой княгинѣ, не доложилъ о томъ Императору, рѣшился самъ собою отказать, и потому былъ названъ Бернадотъ. См. «Рус. Арх.». 1871 г., стр. 1945.

ны Римскому, тогда еще Императору Францу за неумѣніе жить въ свѣтѣ; объявленіе, послѣ неоднократныхъ поправокъ, представляемое къ подписи и вдругъ отмѣненное съ пѣніемъ: «взбранный воеводѣ побѣдительная». Всѣ рассказы гр. Оеодора Васильевича имѣли полный успѣхъ—со смѣху отъ нихъ помирали—не смотря на то, что были—и предъ кѣмъ же? О царѣ благодѣтелѣ, который вывелъ рассказчика въ люди, осыпалъ его милостями и почестями». Справедливость этихъ отзывовъ Лубяновскаго о Растопчинѣ становится очевидною по прочтеніи слѣдующихъ писемъ гр. О. В. Растопчина къ вел. кн. Екатеринѣ Павловнѣ ¹⁾).

Письмо первое.

Москва. 24 марта.

Государыня!

Осмѣливаюсь повергнуть къ стопамъ Вашего Имп. Высочества благодарность живѣйшую за милостивое ко мнѣ Ваше расположеніе. Самолюбивъ былъ бы я, если бы возмечталъ отличить себя предъ тою, коя рождаетъ удивленіе и любовь во всѣхъ русскихъ; но преданность моя къ особѣ и памяти родителя даетъ надежду, что проникательный взоръ подобной ему умомъ и сердцемъ дочери обратится нѣкогда на того, кто до сихъ поръ движимъ единственно былъ честью и вѣрностью. Исполняя повелѣніе Ваше, препровождаю къ Вашему Имп. Высочеству, съ нѣкоторыми объясненіями, политическій меморіаль и списокъ съ письма графа Орлова. Вскорѣ за симъ, при первомъ удобномъ случаѣ, отправлю самовѣрнѣйшую подробную записку о послѣднихъ дняхъ царствования Императрицы Екатерины и о первомъ Императора

¹⁾ «Русскій Архивъ». 1869 г.

Павла, прося Ваше Имп. Высочество удержать всѣ сіи бумаги до возвращенія моего въ Тверь ¹⁾). Препорученіе Ваше исполнено и лестное напоминаніе Ваше обрадовало чрезмѣрно почтеннаго графа Остермана. Я нашелъ въ Москвѣ множество слуховъ о разрывѣ съ Франціею и уныніе отъ упадка денегъ и поднятія цѣнъ. Но должно уповать на Бога.

Жена моя изъявляетъ предъ Вами чувствительную признательность за милостивое участіе въ ней принимаемое. А я, возвратясь къ своимъ, живу въ тишинѣ и блаженствѣ и жду разлитія водъ, чтобы плыть по Волгѣ и ѣхать по землѣ, куда и когда Вамъ угодно будетъ.

Письмо второе.

Москва. 30 мая 1810 г.

Не бывъ увѣренъ, что Императору будетъ угодно призвать меня въ Тверь, осмѣливаюсь самъ письмомъ напомнить Вашему Имп. Высочеству о милости, какъ Вы обѣщать изволили графинѣ Елиз. Кирил. Апраксиной. Ей болѣе всего хочется имѣть при себѣ меньшаго сына, который поручикъ лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка. Сіе хотѣлъ испросить графъ Гудовичъ, и если бы Вамъ угодно было сказать ему слово, когда онъ будетъ въ Твери, то еще одна мать обяжется молить за Васъ Бога. Осмѣливаюсь испросить милость г-ну Греху, тверскому почтмейстеру. Сей достойный и неутоми-

¹⁾ Поименованныхъ документовъ не сохранилось, но за то дошла до насъ любопытная «Записка о Мартинистахъ», представленная въ 1811 г. графомъ Ѳ. В. Растопчиннымъ вел. кн. Екатеринѣ Павловнѣ. Она напечатана въ «Рус. Арх.» за 1875 г. Т. III, стр. 75. Исторіографическое значеніе этой записки несомнѣнно, такъ какъ гр. Растопчинъ имѣлъ возможность знать многое такое, что было скрыто отъ современниковъ. Онъ, какъ извѣстно, прибиралъ бумаги въ рабочемъ кабинетѣ Екатерины II-й, послѣ ея кончины, и многіе документи успѣлъ списать.

ный слуга, преданный совершенно Вамъ, съ малымъ жалованьемъ, безъ надежды когда-либо къ повышенію чиномъ, бывъ подъ игомъ экзамена, оживеть Анненской лентой и симъ отличіемъ увѣрится, что служба его удостоилась Высочайшаго вниманія. Жаль губернатора Ланскаго; жаль, что графа Гудовича опеленали мерзавцы; жаль, что говядина дорога; жаль, что идетъ снѣгъ; жаль, что живъ курилка Вагуевъ; жаль, что я не буду свидѣтелемъ Вашего душевнаго счастья, достойной награды добродѣтелей, коихъ Провидѣніе отдало Вамъ во владѣніе по смерти.

Письмо третье.

Москва. 20 іюня 1810 г.

Государыня!

Князь Оболенскій вручилъ мнѣ книгу и письмо Вашего Имп. Высочества, за кое не приложу моей благодарности, чтобы не наскучить повтореніемъ чувства души, Вамъ преданной. Жена моя ѣдетъ въ Петербургъ, гдѣ надѣется имѣть счастье предстать предъ Вами. А я до возвращенія ея остаюсь здѣсь доканчивать науки сына и начинать воспитаніе лошади Вами назначенной. Находя утѣшеніе говорить откровенно, скажу, что очень мнѣ прискорбно, для чего Вы не изволили сказать слова. Я бы плылъ съ Вами. Самъ не могъ рѣшиться попросить позволенія, я ждалъ и не дождался.

По крайней мѣрѣ, если глупо сдѣлалъ, то простибельно. Если бы я не былъ увѣренъ въ расположеніи Вашемъ къ добру и любви къ истинѣ, то не осмѣлился бы писать слѣдующаго. Злость Гудовича гонить Ланскаго и теперь, а вина его состоитъ въ томъ, что онъ не былъ похожъ на окружающихъ и не хотѣлъ быть съ ними въ связи; я знаю Ланскаго за честнаго и благомыслящаго человѣка. Видѣлъ его дѣятельность во время милиціи, въ отсутствіе Тутолмина, а тогда много было вещей и затѣй невѣроятныхъ. Милость Госу-

даря къ Ланскому доказываетъ, что служба его удостоилась вниманія. За что же огорчать, обижать и терять навсегда значущаго чиновника. За то, что по мѣсту и случайно зналъ всѣ мерзости брата Гудовича, доктора, князя Вяземскаго и Ключарева, обнаружилъ, можетъ быть, свое мнѣніе на счетъ ихъ. Я, съ моей стороны, очень сожалею, что онъ не успѣлъ выпросить у Государя сенаторства, чтобъ бы его спасло отъ убійственнаго настоящаго положенія и развело бы съ графомъ Гудовичемъ, который столько же мстителенъ, сколько грубъ, глупъ, гордъ и бѣшенъ.

Государыня, защитите Ланскаго! А меня простите, что я такъ горячо вступаюся за честнаго человѣка, бывъ самъ того же разбора. Дай Богъ, чтобы Вы благополучно разрѣшились отъ бремени и возвратились здоровы и веселы въ мирное Ваше жилище, гдѣ я изъ первыхъ буду имѣть честь поздравить счастливую мать и цѣловать руки у внука или внучки благодѣтеля моего и всѣхъ моихъ».

Плаваніе вел. кн. Екатерины Павловны, о-которомъ говоритъ графъ О. В. Растопчинъ изъ Твери въ Петербургъ, было воспѣто Державинымъ въ стихотвореніи: «Шествіе по Волхову Россійской Амфитриты», написанномъ поэтомъ въ своей знаменитой Званкѣ—усадебѣ, находящейся на Волховѣ. Въ этомъ посланіи, между прочимъ, Державинъ говоритъ:

«Нѣтъ не древнихъ дѣвъ картина
Удивляетъ смертныхъ взглядъ,
Шествуетъ Екатерина
Со Георгомъ въ Петроградъ».

И оканчивалъ свою поэтическую картину шествія Амфитриты слѣдующимъ пророческимъ девятистишіемъ о рожденіи Екатериною Павловною сына.

Вижу домъ весь благодатный,
Братьевъ, сестръ—божествъ соборъ,
Тихій нравъ и, какъ пріятный
Лучъ, Елисаветы взоръ!
Поспѣшай къ намъ, Амфитрита,

Россовъ всѣхъ утѣшь сердца,
 Да душой орла—повита
 Будетъ юна духъ птенца,
 Намъ рожденнаго тобою.

Дѣйствительно вскорѣ, именно 18-го августа, родился въ Павловскѣ старшій сынъ Фридрихъ-Павель Александръ († холостымъ въ Ольденбургѣ 4 ноября 1829 г., погребенъ тамъ же). Вел. кн. Екатерина Павловна поспѣшила пріѣхать въ Павловскъ, чтобы подъ покровомъ нѣжной материнской заботливости и сердечнаго участія сестеръ, хотя нѣсколько облегчить тѣлесныя страданія. У постели любимой великой княгини часто сидѣли мать и супругъ, оба прилежно занятые работою и старавшіеся всѣми силами угодить ей. Сильно занятый братъ, Александръ I-й, могъ показываться только на нѣсколько мгновеній, впродолженіи которыхъ старался поддерживать бодрость духа сестры. «Всѣ эти лица представляли вокругъ постели княгини такую группу, которую слѣдовало бы увѣковѣчить на полотнѣ, говоритъ авторъ нѣмецкой біографіи Екатерины Павловны, изданной въ Каштадтѣ. Родившагося племянника Александръ I-й хотѣлъ возвести въ титулъ великаго князя императорскаго Дома, если бы онъ былъ крещенъ по обряду православной церкви. Однако, отецъ отказался отъ этого предложенія; можетъ быть, предъ его глазами носилась несчастная судьба многихъ особъ прошлыхъ столѣтій и это побудило его принять такое рѣшеніе. Ребенокъ былъ окрещенъ по обряду лютеранской религіи—это былъ первый примѣръ въ русской Императорской фамиліи».

Но возвращаемся еще къ Лубяновскому, бывшему питомцу извѣстнаго сенатора И. В. Лопухина, записки котораго о своей жизни ходили въ рукахъ у современниковъ, а затѣмъ были изданы отдѣльно съ пропусками и наконецъ напечатаны въ 1884 году въ «Русскомъ Архивѣ». По всей вѣроятности Лубяновскій сообщалъ Лопухину, какъ сочувственно слушались въ Тверскомъ дворцѣ рассказы графа Ѳ. В. Растопчина, загля-

таго врага масоновъ, утверждавшаго даже, что они злоумышляли на жизнь Императрицы Екатерины II-й и что именно Лопухинъ имѣлъ такое порученіе отъ своихъ сообщниковъ.

Отзывы гр. Растопчина о личности Лопухина были также нещадны (см. его «Записку о Мартинистахъ»). Прямимъ послѣдствіемъ всего этого и было желаніе Лопухина оправдаться въ своихъ запискахъ, но изъ нихъ мы видимъ, что Императоръ Александръ I очень любилъ В. И. Лопухина и былъ къ нему крайне расположенъ, а причиною увольненія отъ службы былъ никакъ не гр. Растопчинъ, вліявшій будто бы чрезъ вел. кн. Екатерину Павловну на Императора Александра I-го, а слѣдующій случай, о которомъ рассказываетъ князь П. А. Вяземскій со словъ того же Лубановскаго (см. «Рус. Арх.». 1875 г. Т. II, стр. 102). Александръ Павловичъ имѣлъ намѣреніе назначить Лопухина даже министромъ народнаго просвѣщенія, но тутъ вышло странное обстоятельство. Государь велѣлъ пригласить его къ обѣду, за которымъ Лопухинъ, не бывши пьяницею, неосторожно выпивалъ все предлагаемое. Къ тому же его лицо краснокожее и расцвѣтавшее багровыми почками, напоминало стихи Княжнина:

Лице

Одѣто въ красенскій сафьянный переплетъ
Не вѣрю я тому, а кажется онъ пьетъ.

Самъ Императоръ держался самой строгой трезвости и былъ вообще склоненъ къ подозрѣнію. Возліянія недогадливаго Лопухина не могли ускользнуть отъ пытливаго и наблюдательнаго его глаза. Ему не только казалось, но онъ убѣдился, что Лопухинъ пьетъ. Этимъ случайнымъ обстоятельствомъ задержалась дальнѣйшая его карьера по службѣ.

V.

Черезъ графа же Растопчина вел. кн. Екатерина Павловна познакомилась съ Н. М. Карамзинымъ, который по вы-

зову великой княгини написалъ для Императора свою знаменитую записку: «О Старой и Новой Россіи».

Въ концѣ 1809 года Государь Императоръ Александръ Павловичъ былъ въ Москвѣ вмѣстѣ съ вел. кн. Екатериною Павловною и сказалъ Карамзину нѣсколько привѣтственныхъ словъ, встрѣтись съ нимъ на балѣ. Великая княгиня осыпала его ласками, познакомься съ нимъ черезъ родственника его по первой женѣ, графа Растопчина, и пригласила къ себѣ въ Тверь. Князь Александръ Петровичъ Оболенскій, служившій при ней въ Твери, могъ ее утвердить въ высокомъ мнѣніи о Карамзинѣ. Карамзинъ поѣхалъ туда, пробылъ шесть дней, обѣдалъ всегда во дворцѣ и читалъ по вечерамъ свою Исторію великой княгини и великому князю Константину Павловичу. «Они плѣнили меня своею милостію», писалъ онъ къ брату отъ 15 февраля 1810 г. Вскорѣ послѣ этой поѣздки, Карамзинъ выдержалъ жестокую болѣзнь. Потомъ скончалась любимая его свояченица, княгиня Щербатова, урожденная Вяземская.

Карамзинъ отправился со своею Запискою въ Тверь въ началѣ февраля 1811 года, такъ какъ отъ 19 февраля онъ писалъ къ Дмитріеву:

«Давно, давно не писалъ къ тебѣ, и не отъ лѣни. Только въ нынѣшнюю ночь возвратились мы изъ Твери, гдѣ жили двѣ недѣли какъ въ очарованномъ замкѣ. Не могу изъяснить тебѣ, сколь великая княгиня и принцъ ко мнѣ милостивы. Я узналъ ихъ несравненно болѣе прежняго, имѣвъ случай ежедневно говорить съ ними по нѣскольکو часовъ между нашихъ историческихъ чтеній. Великая княгиня во всякомъ состояніи была бы одною изъ любезнѣйшихъ женщинъ въ свѣтѣ, а принцъ имѣетъ ангельскую доброту и знанія, необыкновенныя въ нѣкоторыхъ частяхъ. Не отвѣчаю за будущее, но теперь милостивое ко мнѣ расположеніе сей августѣйшей четы, составляетъ одно изъ главныхъ утѣшеній моея жизни».

Объ этомъ же увѣдомлялъ онъ брата, отъ 28 февраля: «Я съ женою былъ опять въ Твери и жилъ тамъ двѣ недѣли совершенно въ гостяхъ у великой княгини и принца. Они осыпали насъ ласками, и мы всякій день бывали у нихъ по нѣсколько часовъ. Любезность и милость великой княгини трогаютъ мою душу. Принцъ имѣетъ ангельское сердце и знанія. Часы, проведенные мною въ ихъ кабинетѣ, причисляю къ счастливѣйшимъ въ моей жизни... Теперь я возвратился къ обыкновеннымъ своимъ упражненіямъ».

Въ это-то посѣщеніе привезъ Карамзинъ свою работу великой княгинѣ. Чтеніе продолжалось нѣсколько дней, потому что было прерываемо множествомъ вопросовъ. По окончаніи чтенія великая княгиня взяла Записку себѣ. Въ мартѣ 1811 года посѣтилъ любимую сестру въ Твери Императоръ Александръ.

Дмитріевъ по приказанію Монарха предупредилъ Карамзина, что Государь желаетъ съ нимъ познакомиться ближе; великая княгиня звала неотступно, чтобъ Карамзинъ спѣшилъ въ Тверь.

Карамзинъ отправился въ Тверь со своею Исторіею, которую предполагалось читать Александру Павловичу.

Въ ожиданіи его прибытія былъ разговоръ о Запискѣ.

«Знаете ли, Николай Михайловичъ, что я вамъ скажу, замѣтила однажды великая княгиня: Записка ваша очень сильна!»

Александръ прибылъ 15-го марта. Государь пробылъ въ Твери пять дней, отъ 15-го до 19-го включительно. Когда именно, т. е. въ который изъ этихъ дней происходило чтеніе Исторіи, сказать трудно, кажется наканунѣ отъѣзда Государя 18 марта. Вотъ доказательство: Карамзинъ писалъ въ Дмитріеву отъ 16 марта, что былъ представленъ Государю вчера въ кабинетѣ великой княгини (слѣдов. 15 марта) и не упомянулъ о чтеніи, очевидно, что ни 15-го, ни 16 числа, когда было писано письмо, чтенія не было.

Въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 20-го марта, по отъѣздѣ Государя, онъ увѣдомлялъ:

«Вчера (т. е. 19 числа), въ послѣдній разъ имѣли счастье обѣдать съ Государемъ. Онъ уѣхалъ ночью. Сверхъ четырехъ обѣдовъ, я съ женою былъ два раза у него во внутреннихъ комнатахъ (т. е. 16 и 17 числа), а въ третій при великой княгинѣ и принцѣ читалъ ему свою Исторію долѣе двухъ часовъ, послѣ чего говорилъ съ нимъ не мало, о чемъ же? О самодержавіи! Я не имѣлъ счастья быть согласенъ съ нѣкоторыми его мыслями».

Великая княгиня отдала вѣроятно Записку Государю послѣ чтенія Исторіи и послѣдовавшаго за онымъ разговора о самодержавіи, 18 марта вечеромъ, наканунѣ отъѣзда.

Государь прочелъ или пробѣжалъ Записку на другой день и послѣ этого крайне холодно простился съ Карамзинымъ.

Оставляя Тверь, Карамзинъ спросилъ свою Записку у великой княгини. «Записка ваша теперь въ хорошихъ рукахъ», отвѣчала она — и едва ли этимъ отвѣтомъ успокоила исторіографа, смущеннаго внезапною переменою въ обращеніи Государя съ нимъ.

Вскорѣ, однако, послѣ этого Карамзинъ писалъ письмо къ брату отъ 12 апрѣля слѣдующаго содержанія: «Исполняя волю любезнѣйшей великой княгини, я ѣздилъ опять въ Тверь чтобы быть тамъ представленнымъ Государю, который и самъ приказалъ Ив. Иван. Дмитриеву написать ко мнѣ о желаніи своемъ видѣть меня въ этомъ городѣ. Осыпанный милостивыми привѣтствіями Императора, я читалъ ему нѣкоторыя мѣста изъ моей Исторіи. Онъ былъ доволенъ. Четыре раза обѣдали мы съ нимъ у великой княгини. Онъ звалъ меня и жену мою въ Петербургъ и простился съ нами особенно въ кабинетѣ, даже предлагалъ намъ жить въ Аничковскомъ дворцѣ, который отдалъ великой княгинѣ.

Отъ 1-го мая. «Великая княгиня зоветъ насъ въ Тверь.

Люблю ее душевно и признателенъ ко всѣмъ ея милостямъ; однакожь, будучи усерднымъ домохозяиномъ, не плѣняюсь мыслию скакать по большимъ дорогамъ и жить дней по десяти въ праздности и безпокоиться о дѣтяхъ. Время летитъ, а Исторія моя ползетъ» и т. д. .

30 мая, къ брату. «Мы съ дѣтьми прожили въ деревнѣ только двѣ недѣли и возвратились въ Москву съ тѣмъ, чтобы завтра ѣхать въ Тверь дней на восемь. Какъ ни пріятно намъ пользоваться милостію прелестной великой княгини, однакожь грустно разставаться съ малютками, да и моя Исторія отъ того терпитъ. Впрочемъ, любя искренно великую княгиню, не могу не исполнить ея воли. Она пишетъ ко мнѣ самыя ласковыя письма и желаетъ познакомить меня съ отцемъ принца, который теперь у нихъ гоститъ. Человѣкъ рѣдко умный и добродѣтельный. Наполеонъ отнялъ у него Ольденбургское герцогство».

Тверскія путешествія отнимали у него дѣйствительно много времени.

«Послѣ трехъ путешествій (въ маѣ, іюнѣ и ноябрѣ) въ Тверь, отдыхаю за Исторіей», писалъ онъ къ Тургеневу отъ 21-го апрѣля «и спѣшу окончить Василия Темнаго: тутъ начинается дѣйствительная Исторія Россійской монархіи; впереди много прекраснаго».

24-го ноября, въ день ангела великой княгини, Карамзинъ подарилъ ей альбомъ (Августѣйшей именинницѣ отъ Карамзина. Москва, 1811 г.), въ которомъ своею рукою написалъ избранныя мѣста писателей.

Предлагаемъ замѣчаніе объ этомъ альбомѣ словами г. Лыжина, которому Русская Словесность обязана первымъ объ немъ извѣстіемъ:

«Предстоящее вторженіе Наполеона побудило, вѣроятно, Карамзина начать свой альбомъ выпискою изъ Боссюэта, содержаніе которой слѣдующее: возникновеніе и паденіе го-

сударствъ зависитъ отъ воли Провидѣнія: оно руководить дѣйствіями мудрыхъ государей, оно же даруетъ побѣду завоевателямъ и готовитъ имъ гибель въ то время, когда они взойдутъ на верхъ славы и могущества, такъ что сами правители должны признать надъ собою власть, которая сильнѣе ихъ. Не смотря, однако, на эту немощность даже сильныхъ міра сего, тамъ, гдѣ дѣло идетъ о судьбахъ человѣчества, мы не должны оставаться праздными зрителями: нашими дѣйствіями, какъ бы они ни казались намъ самымъ малозначущими, должна управлять любовь къ отечеству, — и потому переходомъ отъ перваго отрывка къ послѣдующему служить въ альбомѣ выписки изъ Руссо и другихъ о любви къ отечеству. Она предписывается намъ чувствомъ благодарности къ согражданамъ, которые были нашею опорою въ дѣтствѣ, обусловливается сознаниемъ долга и даже вѣрно понимаемою пользою каждаго частнаго лица. Для того же, чтобы понимать свою пользу и быть счастливымъ, надо уяснить себѣ рядъ вопросовъ, возбуждаемыхъ жизнью: и вотъ Карамзинъ приводитъ нѣсколько мыслей изъ Попе и Иисуса, сына Сирахова, какъ образцы практической философіи. Стройность явленій въ мірѣ вещественномъ и духовномъ убѣждаетъ насъ въ существованіи Божества. Не пытаясь постичь его, обязанность каждаго смираться и помышлять о томъ, чтобы сдѣлаться подобіемъ его. Для этого же необходимо опредѣлить, какими были люди до паденія, въ первобытномъ состояніи, — и потому Карамзинъ оканчиваетъ отдѣлъ, въ которомъ говорится объ обязанностяхъ человѣка относительно отечества и вѣры, Мильтоновымъ описаніемъ рая и т. д.

И далѣе.

Карамзинъ объявляетъ себя въ пользу самодержавія, мотивируя свое убѣжденіе словами Руссо: найти форму правленія, которая поставила бы законъ выше человѣка—это задача, не менѣе не разрѣшенная, чѣмъ квадратура круга и

потому надо перейти къ другой крайности и поставить вдругъ человѣка выше всякаго закона, т. е. установить неограниченнѣйшее самодержавіе. Статья XIV состоитъ изъ ряда мыслей Помпигьяна, Бюффона, Паскаля, Монтэня, книги Іова. Большая часть этихъ изрѣченій выписана съ цѣлью поддержать авторитетомъ писателей, пользующихся извѣстностью, взглядъ самого Карамзина на государственные вопросы, занимавшіе въ то время умы. Въ чемъ же заключалась правительственная теорія людей, подобныхъ Карамзину? Вотъ главные ея начала: не стѣснять дѣятельности народа ненужными, скорѣе вредными, чѣмъ полезными предосторожностями; не увлекаясь толпою (подъ которою Карамзинъ подразумѣвалъ конечно и многихъ знатныхъ господъ); держаться разъ избраннаго пути, не поддерживать, не вводить того, что не согласно съ духомъ времени и народа, не измѣнять безъ нужды постановленій, освященныхъ временемъ. Въ дальнѣйшихъ статьяхъ Карамзинъ сообщаетъ свои воззрѣнія на отношенія частныхъ людей другъ къ другу и содержаніе послѣдняго отдѣла составляетъ въ альбомѣ статьи о добродѣтельномъ образѣ дѣйствій, безъ котораго немислимы ни семейное счастье, ни дружба».

По словамъ Погодина, изъ книги котораго о «Карамзинѣ» нами заимствованы вышеприведенныя свѣдѣнія: «Записка о древней и новой Россіи написана съ цѣлью доказать, что установившіеся у насъ формы коренятся въ Исторіи и потому насильственное ихъ измѣненіе даже со стороны самой власти ничѣмъ бы не оправдывалось; въ альбомѣ выставлены преимущества самодержавія передъ конституціоннымъ правленіемъ и въ то же время первому противопоставляется недостижимая, впрочемъ, форма правленія, въ которой бы законъ стоялъ выше человѣка» и т. д.

При чтеніяхъ Карамзина, въ Тверскомъ дворцѣ, какъ говоритъ Лубяновскій, «боялись даже изъявленіемъ удовольствія прервать чтеніе, равно искусное и увлекательное, слушали съ невозму-

тѣмъ вниманіемъ, тѣмъ болѣе, что исторіографъ, казалось, любилъ и самъ себя слушать». Памятникомъ благосклоннаго вниманія вел. кн. Екатерины Павловны къ Карамзину служатъ нѣсколько писемъ, напечатанныхъ въ книгѣ «Неизданныя сочиненія Карамзина» (Спб. 1862 г.). Въ своихъ письмахъ къ Карамзину вел. кн. Екатерина Павловна называетъ его своимъ учителемъ и пріятелемъ, но писала она къ нему, однако, по французски, выражалась не безъ затрудненій на русскомъ языкѣ, въ чемъ сознавалась сама великая княгиня, писавъ, напримѣръ, такъ: «Письмо Ваше меня ободрило, но на подобіе блаженной памяти отставнаго бога Фаетона и я, можетъ быть, спотыкнусь; примите и исцѣлите раны, прощѣ, простите орфографическія ошибки, хоть это не стихотворство». Въ своихъ письмахъ вел. кн. Екатерина Павловна благодарила Н. М. Карамзина за присланныя ей имъ «Записки Порошина» (воспитателя Павла I-го), и фельдмаршала Миниха, которыя, писала великая княгиня, «я съ большимъ удовольствіемъ прочла, а далѣе, говорила съ нетерпѣніемъ, ожидаю Васъ и Россію. Если Вы къ намъ послѣ 15-го ¹⁾ пріѣдете, то застанете вѣрно Константина Павловича». Карамзинъ несомнѣнно исполнилъ это желаніе вел. кн. Екатерины Павловны, такъ какъ мы имѣемъ свидѣтельство, что онъ имѣлъ въ Твери горячій споръ съ вел. кн. Константиномъ Павловичемъ о Наполеонѣ, военный геній котораго онъ чрезвычайно цѣнилъ, а Карамзинъ рѣзко отзывался объ Императорѣ французъ ²⁾. Переписка вел. кн. съ Карамзинымъ продолжалась почти до самой смерти великой княгини. Екатерина Павловна, душевно полюбивъ Н. М. Карамзина и, удостоивъ его своей дружбы, не желала съ нимъ разстаться и, по словамъ исторіографа, предлагала ему принять мѣсто губернатора въ Твери. Карамзинъ нашелъ невозможнымъ соединить эту должность съ

¹⁾ См. письмо отъ 5-го января 1811 г. въ неизд. соч. Карамзина.

²⁾ «Русская Старина». Т. XX. 1877 г., стр. 79.

занятіями исторіографією, говоря: «или буду худымъ губернаторомъ, или худымъ историкомъ» ¹⁾.

На пути своемъ въ Петербургъ, извѣстный бар. Штейнъ ²⁾ посѣтилъ въ Твери вел. кн. Екатерину Павловну и оцѣнилъ высокія ея дарованія и качества. Вообще имя великой княгини было магнитомъ для русскихъ интеллигентныхъ людей того времени. Такъ, поэтъ К. Н. Батюшковъ, въ письмѣ своемъ изъ Москвы къ Н. И. Гнѣдичу отъ 16 января 1810 года, писалъ: «Тверь отъ меня близко, то есть 150 верстъ. Если бы я съѣздилъ туда съ 1-й пѣсней «Тасса»? Если бы великая княгиня приняла ее милостиво? Если бы она дала мнѣ письмо къ министру иностранныхъ дѣлъ, съ тѣмъ, чтобы меня помѣстили на первое, открывшееся мѣсто въ иностранной коллегіи? и т. д. Но своего намѣренія Батюшковъ не исполнилъ и имѣлъ случай представиться великой княгинѣ лишь въ 1813 году въ Веймарѣ ³⁾.

¹⁾ «Русская Старина». 1874 г. Т. II, стр. 245. Д. В. Давидовъ сообщает также о томъ, что вел. кн. Константинъ Павловичъ постоянно высказывалъ мысль удалиться изъ Варшавы и хотѣлъ просить у императора Александра I-го мѣсто военнаго губернатора въ Твери, въ память долголѣтняго пребыванія въ этомъ городѣ вел. кн. Екатерины Павловны. («Рус. Стар.». 1878 г. Т. XXI, стр. 11).

²⁾ Штейнъ (1757 + 1831), извѣстный государственный человѣкъ. Находясь въ должности перваго министра (съ 1807 г.), онъ употребилъ всѣ силы, чтобы ободрить унивленную Пруссію, освободилъ крестьянъ, ввелъ городское устройство, руководилъ Тигендбундомъ и т. д., но принужденъ былъ оставить свой постъ по требованію Наполеона изъ-за письма, писаннаго къ Витгенштейну и дошедшаго до свѣдѣнія Наполеона. Наполеонъ опасался Штейна, почему послѣдній долженъ былъ ѣхать въ Прагу, а потомъ въ Петербургъ. По возвращеніи Наполеона изъ Россіи, Штейнъ, призванный Александромъ I и Фридрихомъ Вильгельмомъ III, явился въ 1813 г. главою центральнаго управленія Германіи, но его не удовлетворилъ вѣнскій конгрессъ и онъ оставилъ свое мѣсто и уѣхалъ въ Вестфальскія помѣстья, гдѣ изучалъ природу и основалъ историческое общество. Въ 1826, 28 и 31 гг. Штейнъ былъ дѣятельнымъ лицомъ въ должности маршала Вестфальскихъ провинцій.

³⁾ Вотъ какъ поэтъ описываетъ свое свиданіе съ вел. кн. Екатериною Павловною въ письмѣ отъ 29-го октября (см. «Рус. Стар.». 1885 г. Т. XXXVIII, стр. 530). «Вчера приѣхала сюда вел. кн. Екатерина Павловна. Мы были ей пред-

Какое вообще впечатлѣніе производила хозяйка Тверскаго дворца на лицъ когда-либо посѣтившихъ ея домъ, могутъ служить слѣдующія строки изъ дневника К. К. Мердера, воспитателя въ Бовѣ почившаго Императора Александра II, занесенныя имъ въ свой дневникъ 17 іюля 1826 г. ¹⁾. «Въ Твери ночевали во дворцѣ, принадлежащемъ вел. кн. Екатеринѣ Павловнѣ. Чувство неизъяснимой печали овладѣло мною, когда я проходилъ чрезъ комнаты дворца, гдѣ за 15-ть лѣтъ предъ симъ все дышало удовольствіемъ, всѣ прельщались ангелоподобной хозяйкой и дорогимъ гостемъ, царемъ русскимъ. Глубокая Волга быстро мчитъ свои воды, мигомъ пролетаютъ часы и годы, а съ ними и мы».

Чтобы дать еще большее понятіе о времяпрепровожденіи вел. кн. Екатерины Павловны, мы приводимъ слѣдующее описаніе ея тверской жизни, заимствуя его изъ нѣмецкаго источника. Здѣсь великая княгиня провела самые веселые и счастливые дни ея жизни. Она взяла на себя управленіе значительнымъ придворнымъ штатомъ и ввела при этомъ въ княжескомъ, преимущественно русскомъ домоводствѣ, образцовый порядокъ, за которымъ слѣдила съ большою строгостью. За исключеніемъ хозяйственныхъ, прозаическихъ занятій, жизнь ея была по истинѣ романтична и такимъ образомъ осуществились ея завѣтныя дѣвическія грезы. Оба супруга были неразлучны. Принцъ принужденъ былъ часто объѣзжать вѣренныя его попеченію губерніи, причемъ она всегда сопровождала его въ этихъ поѣздкахъ. Когда принцъ находился въ Твери, то онъ обыкновенно работалъ въ комнатѣ, находящейся рядомъ съ комнатою великой княгини, дверь въ которую была постоянно полуоткрыта. Когда же во время работы съ дирек-

ставленіи. Мое имя, не знаю почему, извѣстно Ея Высочеству, и я имѣлъ счастье говорить съ нею о Егерскомъ полку, въ которомъ она всѣхъ офицеровъ помнитъ. Представляла насъ кн. Гагаринъ».

¹⁾ «Русская Старина». 1886 г. Т. XLV, стр. 344.

торомъ канцеляріи Борномъ, случались запутанныя дѣла или множество дѣлъ извуряло принца и дѣлало его безпокойнымъ, тогда онъ громко произносилъ: «Катинька», а она, усердно занимаясь живописью, тотчасъ отвѣчала: «Жоржъ!» и волшебный голосъ ея уничтожалъ всѣ безпокойства и дѣла приходили къ благополучному окончанію.

Въ часы досуга супруги проводили вмѣстѣ, въ душевной бесѣдѣ. Прогуливаясь подъ руку по большому дворцовому саду, они толковали объ украшеніяхъ дворца, объ уничтоженіи бѣдствій человѣчества, или занимались живописью ¹⁾, или упражнялись въ русскомъ языкѣ, въ которомъ старалась великая княгиня усовершенствовать своего супруга, а онъ, въ свою очередь, обращалъ ея вниманіе на величайшія богатства мысли и духа произведеній нѣмецкихъ писателей.

Великокняжеская чета не оставалась въ уединеніи. Лица высокаго ранга и выдающейся учености посѣщали ихъ дворецъ и среди нихъ пріѣзжало много нѣмецкихъ профессоровъ изъ Московскаго университета, имѣвшихъ безпрепятственный пріѣздъ къ принцу и бесѣдовавшихъ съ нимъ о быстрыхъ успѣхахъ искусствъ и науки.

Въ стихотвореніи кн. Долгорукаго, написанномъ имъ въ Москвѣ, въ 1819 году, на смерть вел. кн. Екатерины Павловны, въ слѣдующихъ строкахъ подтверждается справедливость этого факта:

«Москва, къ которой ты, средь лучшихъ жизни лѣтъ,
Приблизясь къ ней, была восторговъ всѣхъ предметъ,
Науки, письмена, художества свободны
Потомству предадутъ твой геній превосходный.

Кромѣ того и въ книгѣ А. Барсукова «Россійское Благо-

¹⁾ Принцъ Георгъ Ольденбургскій велъ, между прочимъ, переписку съ извѣстнымъ въ то время живописцемъ Тишбейномъ, родомъ изъ Басселя, который работалъ при дворѣ его отца. Тишбейнъ нерѣдко въ своихъ письмахъ посылалъ акварельные рисунки на сюжеты изъ міра классическихъ преданій и эти рисунки, которые художникъ называлъ «нарисованными идеями», служили принцу темою для его стихотвореній. (Жизнь и труды принца П. Г. Ольденбургскаго, 1884 г., стр. 23).

родное Собрание въ Москвѣ», Москва 1886, сказано, что въ 1809 г. Императоръ Александръ I-й, прибывъ въ первопрестольную столицу вмѣстѣ съ вел. кн. Екатериною Павловною, посѣтилъ дворянское московское собрание, въ которое, незадолго передъ тѣмъ, самъ записался членомъ. Великая княгиня, какъ и самъ Государь, принимала участіе въ танцахъ. (См. стр. 7).

При посѣщеніяхъ всякій этикетъ былъ отброшенъ въ сторону, а супруга принца съ нѣжностью и ангельскою добротою встрѣчала гостя и этимъ возбуждали оба они къ себѣ довѣріе и любовь. Тверитяне со скорбью вспоминали то время ¹⁾. Когда жила здѣсь княжеская чета, распространяя вокругъ себя благословенія и радостныя чувства. Всякій, кто приближался къ ней, невольно приходилъ въ изумленіе передъ неизъяснимою нѣжностью и великосердною добротою этой семьи. Изъ благочестивой души принца были изгнаны суровость и упорство. Любовь, почтительная боязнь и довѣріе, были могущественными рычагами, которые поддерживали порядокъ и пунктуальность въ исполненіи обязанностей. Кроткій выговоръ изъ устъ принца или признакъ недовольства на его лицѣ дѣйствовали сильнѣе, чѣмъ строгая мина или суровое обхожденіе иныхъ князей. Этими полными благоволенія поступками, при полномъ радѣніи къ занятіямъ, принцъ приобрѣлъ расноложеніе Императора Александра I.

Дѣятельность вел. кн. Екатерины Павловны по большей части ограничивалась тихою семейною сферою, хотя, гдѣ

¹⁾ Справедливость этихъ словъ поясняютъ слѣдующія строки вел. кн. Екатерины Павловны изъ письма ея къ генералу Деволану, отъ 20 января 1813 г.: «Поблагодарите отъ меня предводителя дворянства и вице-губернатора, Тверь всегда останется мнѣ дорогою, это то мѣсто, гдѣ я провела самые счастливые дни, и смѣю это сказать вамъ,—самые счастливые дни моей жизни, ибо не думаю, чтобы ихъ предстояло еще мнѣ много. Скажите этимъ господамъ, что я буду всегда принимать самое живое участіе въ благосостояніи губерніи, и что я прошу ихъ считать меня другомъ, который принадлежитъ имъ и всегда будетъ принадлежать».

нужно было, она являлась выдающеюся общественною дѣятельницею. Насколько разнообразна была отзывчивость и готовность къ благодѣяніямъ, можно судить по тому количеству людей, которые были вырваны ею изъ когтей нищеты, по многочисленности больныхъ, поднятыхъ ею съ одра болѣзни, по большому числу сиротъ, воспитанныхъ ею и вообще по той громадной помощи, которую она являла страждущему человечеству.

Изъ боязни тихихъ упрековъ, изъ одного косаго взгляда Екатерины Павловны, иной вельможа смягчалъ свою жестокость въ обращеніи съ крѣпостными. Однимъ словомъ, она была небеснымъ существомъ, разливающимъ вокругъ себя благодѣянія и счастье. Великая княгиня Екатерина Павловна, какъ мы выше сказали, страстно любила живопись и занималась ею усердно, такъ, въ письмѣ къ Карамзину отъ 3 іюля 1811 г., написанномъ по возвращеніи ея изъ Вышняго Волочка, говорится: «Со дня возвращенія кромѣ кисти нѣтъ у меня ничего въ рукѣ, тороплюсь поспѣть съ работою для матушкина праздника; мы еще неизвѣстны, поѣдемъ ли къ сему дню въ С.-Петербургъ». Это увлеченіе живописью съ дѣтства выработало въ Екатеринѣ Павловнѣ рѣдкій талантъ, который былъ отчасти наслѣдственнымъ достояніемъ отъ матери¹⁾, а развитіемъ его она обязана г-жѣ Алединской, особы въ высшей степени образованной и посвященной во всѣ изящныя искусства. Она неутомимымъ прилежаніемъ и правильнымъ веденіемъ дѣла счумѣла пріобрѣсть такую привязанность великой княгини съ дѣтства, что по окончаніи воспитанія сдѣлалась самою близкою подругою Екатерины Пав-

¹⁾ Императрица Марія Феодоровна, какъ извѣстно, занималась гравированіемъ и рѣзкою камней, на одномъ изъ нихъ она изобразила профильные портреты своихъ сыновей Александра и Константина и дочерей Александры, Елены, Маріи и Екатерины. Съ этого камня Гокаръ награвировалъ доску, оттискъ которой, наклеенный на крышку шкатулки, хранится въ Императорскомъ Эрмитажѣ. (См. «Вѣстникъ Изящныхъ Искусствъ» за 1884 г., стр. 406).

ловны. Объ этомъ говорить намъ авторъ нѣмецкаго жизне-описанія великой княгини, который замѣчаетъ также, что Екатерина Павловна съ легкостью преодолевала механическія трудности и созданныя ею художественныя произведенія дышать высшимъ вдохновеніемъ.

Упрямый знатокъ долженъ былъ бы придти въ восхищеніе предъ изящнымъ вкусомъ, правильностью компановки, колоритомъ и легкостью кисти ¹⁾. Не будь она дочерью Императора, она въ Италіи была бы величайшею художницею. Во всѣхъ ея картинахъ, кромѣ общечеловѣческаго чувства, проявлялось крайне возвышенное направленіе; это было плодомъ материнскаго воспитанія.

VI.

Среди мирныхъ занятій прошли два года жизни въ Твери вел. кн. Екатерины Павловны, какъ вдругъ наступили событія 1812 года, хотя, впрочемъ, она ихъ своимъ проникательнымъ умомъ болѣе чѣмъ многіе другіе предусматривала, тѣмъ болѣе, что въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1811 года къ ней въ Тверь пріѣзжалъ герцогъ Ольденбургскій, отецъ ея мужа, а послѣдній ѣздилъ въ Ревель къ своему брату Павлу-Фридриху-Августу (1783 † 1853), который былъ эстляндскимъ генералъ-губернаторомъ ²⁾. Послѣ того, какъ Наполеонъ предложилъ герцогу уступить Ольденбургъ Франціи и получить за то Эрфуртъ, на что не послѣдовало его согласія и владѣнія гер-

¹⁾ Учителемъ вел. кн. Екатерины Павловны въ числѣ другихъ былъ знаменитый профессоръ Егоровъ, прозванный русскимъ Рафаэлемъ. Объ этомъ говорить академикъ Ступинъ въ своихъ рукописныхъ запискахъ, находящихся у составителя настоящей монографіи.

²⁾ Въ память его управленія Эстляндіею и руководства его въ предварительныхъ работахъ по освобожденію крестьянъ въ прибалтійскомъ краѣ, эстляндское дворянство поднесло ему медаль, описаніе которой находится въ сочиненіи Ю. Б. Иверсена: «Медали въ честь русскихъ государственныхъ дѣателей». Спб. 1880 г.

пога были силою заняты французскими войсками и включены въ составъ 32-й военной дивизіи. Герцогъ Петръ-Фридрихъ-Людвигъ удалился въ Россію, а С.-Петербургскій кабинетъ объявилъ, что не согласится ни на какія измѣненія и вознагражденія и требовалъ возстановленія герцогства Ольденбургскаго. Война между Императоромъ Александромъ и Наполеономъ возгорѣлась ¹⁾; Петръ-Фридрихъ-Людвигъ принялъ въ ней участіе и выставилъ легіонъ, называвшійся русско-германскимъ. Сынъ же его, Августъ, отличился въ Бородинской битвѣ, за нѣсколько дней передъ которой, именно 14 августа, у Екатерины Павловны, бывшей въ Ярославлѣ вмѣстѣ со своимъ супругомъ, осматривавшимъ формировавшееся тамъ ополченіе, родился сынъ Петръ. Появленіе на свѣтъ Его Высочества случилось въ приходѣ св. великомученицы Варвары и мать его была молитвословлена священникомъ этой церкви Вас. Ив. Соснинымъ ²⁾. Крещеніе принца послѣдовало два мѣсяца спустя, а именно 22 октября 1812 года. Къ этому дню высоконоворожденный былъ пожалованъ чиномъ полков-

¹⁾ Вотъ въ какихъ словахъ Императоръ Александръ I въ письмѣ своемъ къ Наполеону отъ 12 марта, говорить объ этомъ: «Вы обвиняете меня за протестъ по Ольденбургскому дѣлу; но могъ ли я поступить иначе? Небольшой клочекъ земли принадлежалъ единственному лицу, моему родственнику; всѣ потребныя формы были имъ выполнены; онъ членъ Рейнскаго союза и потому состоитъ подъ покровительствомъ Вашего Величества; владѣнія упрочены за нимъ статьею Тильзитскаго договора, и онъ лишается ихъ, между тѣмъ какъ Ваше Величество ни однимъ словомъ не предувѣдомили меня. Какую важность могъ имѣть для Франціи клочекъ земли и вашъ поступокъ доказываетъ ли Европѣ дружбу вашу ко мнѣ? Всѣ письма, отовсюду писанныя въ то время свидѣлствуютъ, что присоединеніе Ольденбурга къ Франціи почитали слѣдствіемъ желанія В. В. оскорбить меня. Что касается моего протеста, изложеніе его служитъ неопровержимымъ доказательствомъ, что я ставлю союзъ съ Франціею превыше всѣхъ другихъ соображеній и ясно обнаруживалъ, сколь ошибочно заключеніе изъ него объ ослабленіи моего союза съ Вашимъ Величествомъ и т. д. (Описаніе 1812 г. Михайловскаго-Данилевскаго. Спб. 1843 г., стр. 38).

²⁾ См. пятидесятилѣтній юбилей Его Имп. Высочества принца Петра Георгиевича Ольденбургскаго, составленный Ю. О. Шрейеромъ. Спб. 1881.

ника лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка и кавалеромъ ордена св. Андрея Первозваннаго.

Но не будемъ забѣгать впередъ и обратимся къ дѣятельности вел. кн. Екатерины Павловны въ дѣлѣ образованія народнаго ополченія для борьбы съ врагомъ, мысль о которомъ явилась у ней, по полученіи извѣстія о вторженіи Наполеона, отъ своего мужа, уѣхавшаго въ свитѣ Императора Александра I-го въ Вильну. Цѣннымъ матеріаломъ для этого мы имѣемъ два письма великой княгини, напечатанныя въ «Архивѣ историческихъ и практическихъ свѣдѣній», издававшегося въ 1860—61 годахъ покойнымъ археологомъ, сенаторомъ Калачовымъ, при чемъ мы сочли вполне умѣстнымъ привести и предисловіе къ этимъ письмамъ г. Люжина, сообщившаго ихъ. Вотъ оно: «Не смотря на изобиліе матеріаловъ, изданныхъ въ различное время для исторіи отечественной войны, много относящихся до нея вопросовъ остаются нерѣшенными отчасти вслѣдствіе ложнаго, пристрастнаго толкованія, отчасти по недостатку прямыхъ указаній.

Сочиненіе Богдановича должно было пополнить пробѣлъ, который составляли эти нерѣшенныя задачи и дѣйствительно успѣло въ этомъ, хотя, конечно, не вполне. Множество спорныхъ пунктовъ не только не рѣшено, но иногда и не затронуто въ немъ, какъ впрочемъ и слѣдовало ожидать. Даже въ самомъ вопросѣ о значеніи ополченія въ 1812 году, который поднималъ Богдановичъ и по которому онъ сообщилъ значительное количество данныхъ, онъ не разрѣшилъ недоумѣнія: кто же подалъ идею къ ихъ изданію и какимъ образомъ она была принята? Сообщенныя мною письма докажутъ, надѣюсь, что виновницею этого дѣла была Екатерина Павловна. Много значила въ то время твердая, непоколебимая увѣренность въ возможности успѣшной борьбы съ Наполеономъ. Свидѣтельство Клаузевица убѣждаетъ насъ, что съ этой стороны Екатерина Павловна была достойна удивленія. Она на ряду съ Карам-

зинымъ предсказывала гибель грознаго врага. Но этимъ не ограничивалось ея значеніе въ 1812 году: замѣчательныя пожертвованія, живое участіе во всемъ, что дѣлалось въ нашихъ арміяхъ, засвидѣтельствованное Клаузевицомъ, еще болѣе говорятъ въ похвалу ея. Главная же заслуга ея, мнѣ кажется, заключалась въ томъ, что она, при помощи Карамзина, указала Императору Александру, что правительство должно видѣть гарантію успѣха въ единеніи его со всѣми сословіями народа и въ участіи послѣднихъ при изгнаніи непріятеля ¹⁾. Къ сожалѣнію, погибла нѣсколько лѣтъ тому назадъ при пожарѣ переписка Екатерины Павловны съ Растопчинымъ и Карамзинымъ, безъ которой, конечно, трудно опредѣлить поступки ея въ 1812 году.

Скептикъ Растопчинъ, такъ упорно отстаивавшій свое мнѣніе противъ надеждъ и упованій Карамзина относительно исхода войны и въ этой перепискѣ, вѣроятно, не измѣнилъ своему характеру, какъ не трудно предположить уже и по сообщеннымъ письмамъ, за которыя искренно благодарю доставившаго ихъ, князя Егора Вас. Оболенскаго, къ отцу котораго онѣ были адресованы».

Письмо первое.

«Скажите графу Растопчину, что когда вы извѣстили меня о вашемъ намѣреніи ѣхать въ Москву, я коснулась идеи, которую сообщила ему въ общихъ чертахъ въ письмѣ, мною вамъ прописанномъ и которую успѣла обдумать въ подробности. Его дѣло воспламенить патріотизмъ московскаго дворян-

¹⁾ Этотъ взглядъ г. Лужина на вел. кн. Екатерину Павловну находитъ подтвержденіе въ описаніи Нелединскимъ своего представленія въ Ярославль вел. кн. Екатерины Павловны, которая на слова его, выражавшія довольно мрачный взглядъ на событія, съ живостью возразила: «Но однако-же братъ мой любить народъ». — «Конечно, отвѣчалъ Нелединскій, Государь любить, но любовь поддерживается довѣріемъ, а довѣріе рождается отъ успѣховъ». (См. XIX вѣкъ Бартенева. Т. II, стр. 269).

ства, перваго въ Имперіи по богатству и по уваженію, которымъ пользуется имя Москвы. Онъ можетъ, явившись въ собраніе дворянства, указать на опасности, угрожающія отечеству и на народное рѣшеніе настоящей войны. Въ его городѣ живутъ дворяне всѣхъ губерній и воодушевленіе, возбужденное имъ въ своемъ собраніи, быстро распространилось бы повсюду. Можете присовокупить, что по вашему, а равно и по моему убѣжденію, не найдется русскаго, который не устыдился бы не пожертвовать своею особою и своимъ усердіемъ для отечества; что, какъ дворянинъ, вы находите, что каждая губернія можетъ вооружить полкъ въ тысячу человекъ и обязаться содержать его. Слѣдуетъ обратить вниманіе дворянства на то, что чѣмъ сильнѣе будетъ ведена война, тѣмъ менѣе она продлится, и что кромѣ пороха и ружей, которыхъ не купить ни за какія деньги (*qu'aucun or ne peut donner*), ежегодные расходы по содержанію двухъ тысячъ человекъ не превысятъ 200,000 рублей. Если графъ Растопчинъ возразитъ на это, что найдутся слишкомъ бѣдныя губерніи для покрытія этихъ расходовъ, отвѣтите, что такія губерніи могутъ поставить нѣкоторую часть полка, не оставаясь позади другихъ изъ уваженія къ себѣ. Дѣло графа образовать полкъ Московскій, выбрать ему офицеровъ и начальника и предложить ихъ Императору, во власти котораго будетъ согласиться или нѣтъ, но который не станетъ порицать усердія своего губернатора. Если бы послѣдній спросилъ Васъ, знаетъ ли Императоръ объ этой идеѣ и кому она принадлежитъ, скажите, что, какъ вы полагаете, Государю объ этомъ неизвѣстно, но что принцъ и я, мы возымѣли эту мысль (идею), въ особенности потому, что въ Москвѣ Растопчинъ и мы такимъ образомъ могли надѣяться на невозможность безповойствъ, такъ какъ онъ, конечно, представить это дѣло дворянству просто, въ надлежащемъ свѣтѣ. Присовокупите, что вы думаете, что Государь не будетъ противиться этому начинанію. Если вамъ

укажутъ на недостатокъ офицеровъ, отвѣтите, что въ такомъ случаѣ можно назвать тысячу человекъ не полкомъ, а баталіономъ; въ такомъ случаѣ потребуется менѣе офицеровъ. Относительно же участи этихъ людей послѣ войны замѣтите, что мы съ вами убѣждены, что Императоръ ихъ не покинетъ; дворянству же стыдно было бы думать о наградахъ прежде, чѣмъ оно заслужитъ ихъ.

На вопросъ о томъ, какъ же дворянство будетъ продолжать эти полки, скажите, что Государь, по вашему и моему убѣжденію, въ награду за усердіе дворянства, составить изъ нихъ отдѣльный корпусъ и назначить имъ достойнаго ихъ начальника. Въ случаѣ, если графъ не спроситъ васъ ни о чемъ, разъясните ему все это самое отъ меня, такъ какъ полезно предупредить ошибочное толкованіе, сомнѣнія и споры, которыя могутъ возродиться.

Относительно моихъ личныхъ намѣреній скажите, что вы ихъ не знаете, но что я не отстану отъ другихъ лицъ, гдѣ слѣдуетъ явить благодарность отечеству».

Письмо второе.

С.-Петербургъ. 7 іюля 1812 г.

«Вчера вечеромъ я получила, дорогой князь, согласіе Государя, принявшаго мое предложеніе, которое уже не составляетъ тайны ¹⁾. Вашъ братъ отправляется, жду каждую ми-

¹⁾ Дѣйствительно, изъ лагеря при Полоцкѣ, 5-го іюля, издано было Высочайшее воззваніе къ Москвѣ и достопамятный манифестъ, призывавшій всѣ сословія къ защитѣ отечества. Оба они написаны перомъ, достойнымъ важности и величія событія. Поэтому, несмотря на общезвѣстность этихъ актовъ, не считаемъ излишнимъ привести и здѣсь вполнѣ безсмертныя ихъ выраженія.

«Первопрестольной столицѣ Нашей Москвѣ.

«Непріятель вошелъ съ великими силами въ предѣлы Россіи. Онъ идетъ разорить любезное Наше Отечество; хотя пылающее мужествомъ, ополченное руссійское воинство готово встрѣтить и низложить дерзость его и зломыслие, однакожъ по отеческому сердолобію и попеченію Нашему о всѣхъ вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ, не можемъ Мы оставить безъ предваренія ихъ о сей угро-

нута офицеровъ; написалъ, чтобы принцъ послалъ мнѣ Тодорова, которому поручено будетъ принять вещи отъ Годлевскаго.

Я виновата въ замедленіи этого офицера, такъ какъ вчера я ждала весь день отвѣта и хотѣла воспользоваться этою оказіею для сообщенія вамъ его содержанія. Великая мысль приведется въ исполненіе, наперекоръ графу; не знаю еще всѣхъ подробностей, но черезъ двѣ недѣли Москва покажетъ своему губернатору, что онъ ошибся въ ней. Не говорите объ этомъ. Рада, что благое дѣло совершится чрезъ кого бы то ни было; вы поймете меня; спѣшу подѣлиться съ вами этою новинкою и также полученною мною вчера. Въ арміи все благополучно, бюллетени вамъ, конечно, извѣстны. Простите за лаконизмъ, но у меня нѣтъ ни минуты.

Кромѣ этихъ двухъ писемъ къ Растопчину, мы имѣемъ

жающей имъ опасности. Да не возникнетъ изъ неосторожности Нашей преимущества врагу; того ради, имѣя въ намѣреніи, для надлежащей обороны, собрать новыя внутреннія силы, напервѣе обращаемся Мы къ древней столицѣ предковъ Нашихъ Москвѣ: она всегда была главою прочихъ городовъ россійскихъ; она изливала всегда изъ нѣдръ своихъ смертоносную на враговъ силу; по приѣзду ея и изъ всѣхъ прочихъ окружностей текли къ ней, на подобіе крови къ сердцу, сыны отечества для защиты онаго. Никогда не настояло въ томъ вѣщей надобности, какъ нынѣ: спасеніе вѣры, престола, царства—того требуютъ. И такъ, да распространится въ сердцахъ знаменитаго дворянства Нашего и во всѣхъ прочихъ сословіяхъ духъ той праведной брани, какую благословляетъ Богъ и православная Наша церковь; да составитъ и нынѣ сіе общее рвеніе и усердіе новыя силы, начиная съ Москвы во всей обширной Россіи! Мы не умедлимъ Сами стать посреди народа Своего въ сей столицѣ и въ другихъ государства Нашего мѣстахъ, для совѣщанія и руководствованія всѣми Нашими ополченіями, какъ нынѣ преграждающими пути врагу, такъ и вновь устроенными на пораженіе онаго вездѣ, гдѣ только появится. Да обратится погибель, въ которую мнитъ онъ низринуть Насъ, на главу его, и освобожденная отъ рабства Европа да возвеличитъ имя Россіи!» (Библиотека для чтенія, 1853 г., т. СХХХVII, стр. 36 «Спб. ополченіе»).

15-го іюля 1812 года, т. е. недѣлю спустя послѣ этого письма, по приѣздѣ Императора Александра I въ Москву, дворянство предложило на свой счетъ выставить 80,000 ратниковъ, а купечество постановило выдать на это дѣло 1.500,000 руб. (Описание войны 1812 г. Михайловскаго-Данилевскаго. 1839 г. Ч. I, стр. 267 и 268).

еще два письма вел. кн. Екатерины Павловны, проливающія свѣтъ на ея воззрѣнія относительно событій 1812 года (оба онѣ написаны въ Ярославлѣ) ¹⁾; первое изъ нихъ, отъ 6-го сентября, къ Деволану, а второе, отъ 13 ноября, къ Карамзину.

Письмо къ Деволану.

«Часъ тому назадъ я получила ваше письмо и не знала, гдѣ вы находитесь, спѣшу воспользоваться отъѣздомъ г. Себрякова, чтобы доставить вамъ эти строки. Очень васъ благодарю за письмо Вельяшева: ему нечего бояться и онъ можетъ быть совершенно спокоенъ. До вчерашняго вечера мы были въ совершенномъ невѣдѣніи, что произошло послѣ оставленія Москвы. Вчера Винцегероде далъ намъ знать, что онъ обезпечилъ Тверскую и Ярославскую дороги. Принцъ послалъ трехъ курьеровъ въ армію, но ни одинъ изъ нихъ не возвращался и насъ оставляютъ въ непостижимомъ невѣдѣніи. Впрочемъ, чему удивляться, послѣ того, что случилось? Нельзя болѣе полагаться ни на какіе расчеты. Нельзя предвидѣть, гдѣ остановится потокъ. Но что бы ни случилось—не мириться: вотъ мое исповѣданіе».

Письмо къ Карамзину.

«Сейчасъ получила письмо ваше и не медлю друга уведомить, что я радуюсь его воспоминаніемъ, часто спрашиваю: гдѣ онъ и что онъ дѣлаетъ, но тщетно: никто не могъ меня удовлетворить; наконецъ самъ онъ вспомнилъ о его любящихъ. Всѣ мы терпимъ по одной причинѣ: мы терпимъ за мать, за славную Россію, но можемъ ею гордиться и гордо сказать

¹⁾ Въ Ярославль въ Августъ 1812 года пріѣхалъ изъ арміи принцъ Георгъ для созванія ополченія въ губерніяхъ Тверской, Новгородской и Ярославской по примѣру Москвы. (Рус. Арх. 1870 г.).

порабощеннымъ иноземцамъ: вы собрались со всѣхъ краевъ свѣта, пришли съ огнемъ и мечемъ, но мы, обращая грады наши въ пепелъ, предпочли разрушеніе ихъ оскверненію и сами дали вамъ великій примѣръ: славная наша столица погибла, мы не колебнулись, вы ожидали мира, нѣтъ, мы вамъ говорили: смерть, на вашихъ могилахъ возстанутъ грады наши, яко на славнѣйшемъ подножіи. Плѣнные завидуютъ имени русскому, офицеры упрашиваютъ чести носить нашъ мундиръ, ибо нѣтъ свѣше оной: Россія была вторая въ Европѣ держава, теперь и навѣки она первая и скоро къ стопамъ ея прибѣгутъ цари, моля о мирѣ и покровительствѣ. Веселитесь мыслею сею, она не мечта, но истина».

Живя въ Ярославлѣ ¹⁾, принцъ сочинялъ воинственныя пѣсни и занимался формированіемъ здѣсь ополченія, готовившагося выступить на защиту вѣры и отечества. Онъ вмѣстѣ съ супругою своею нерѣдко осматривалъ это ополченіе, которое состояло изъ одного коннаго полка графа Мамонова и нѣсколькихъ пѣхотныхъ полковъ подъ начальствомъ генералъ-маіора, Якова Ивановича Дедюлина ²⁾. Ополченіе

¹⁾ Въ Ярославлѣ въ это время находилась и жена Карамзина со своими дѣтьми, присланная сюда Ник. Мих. послѣ погрома подъ Смоленскомъ (См. соч. Погодина «Н. М. Карамзинъ», стр. 108).

²⁾ Подробности о дѣятельности дворянства Ростовскаго уѣзда Ярославской губерніи въ дѣлѣ образованія ополченія можно найти въ любопытной статьѣ Д. А. Булатова («Рус. Стар.». 1884 г. Т. 44, стр. 199 — 218), въ которой, между прочимъ, помѣщенъ интересный указъ принца Георга Ольденбургскаго, гдѣ говорится: Ея Имп. Высочество вел. кн. Екатерина Павловна, супруга моя и я остаемся здѣсь; я же даю слово свое, что до тѣхъ поръ не оставлю Высочайше вѣренныи мнѣ Ярославль, какъ при самой крайности. Мнѣ тѣмъ пріятнѣе дать сіе обѣщаніе, что оно основано на приверженности моей къ Государю Императору и согласуется совершенно съ чувствами привязанности, кои всегда имѣлъ и буду имѣть къ здѣшнимъ жителямъ». Успокоивъ такимъ образомъ жителей, принцъ рѣшился принять энергическія мѣры и въ архивѣ дѣлъ Ростовскаго предводителя дворянства хранится подлинное предписаніе принца изъ Ярославля отъ 10 сентября, въ которомъ рисуется картина паники среди помѣщиковъ и крестьянъ.

это доходило до Вильны и впродолженіи отечественной войны съ честью охраняло западные предѣлы Россійской Имперіи. Великая княгиня Екатерина Павловна въ это время была занята формированіемъ изъ удѣльныхъ своихъ крестьянъ баталіона, который носилъ ея имя и назывался егерскимъ. Командиромъ его былъ назначенъ флигель-адъютантъ полковникъ князь Оболенскій. Изъ исторіи этого баталіона видно участіе его въ Кенигштетскомъ и Лейпцигскомъ и почти во всѣхъ замѣчательныхъ сраженіяхъ той великой эпохи. Изъ 1000 человекъ возвратилось только 417. Въ декабрѣ 1814 года баталіонъ былъ расформированъ ¹⁾. Однимъ словомъ, въ тяжелую годину великая княгиня и супругъ ея не уставали въ подвигахъ добра и любви къ отечеству: вооружали неимущихъ, пеклись о больныхъ и раненыхъ, облегчали участь плѣнныхъ.

По возвращеніи въ Тверь, были образованы госпитали для раненыхъ воиновъ. Принцъ самъ часто посѣщалъ ихъ, чтобы лично убѣдиться въ томъ, что больные не терпятъ ни въ чемъ недостатка. Во время этихъ посѣщеній онъ заразился опасною нервною лихорадкою. Не смотря на старанія докторовъ, не смотря на то, что великая княгиня проводила дни и ночи у постели больного, состояніе принца было безнадежно. Онъ самъ чувствовалъ приближеніе смерти и желалъ только еще разъ увидѣть и благословить своего старшаго сына, который былъ оставленъ въ г. Даниловѣ. Но это желаніе не пришлось осуществить, такъ какъ онъ умеръ на рукахъ нѣжной своей супруги 15 декабря 1812 года ²⁾ (погребенъ въ Ольденбургѣ).

¹⁾ См. «Рус. Стар.». 1870 г. Т. II, стр. 658. Въ книгѣ же А. Языкова сказано, что баталіонъ вел. кн. Екатерины Павловны состоялъ изъ 712 челов.

²⁾ Тѣло принца было перевезено въ Петербургъ 2 января 1813 года, гдѣ сначала останки принца были похоронены, а затѣмъ въ 1826 г. перевезены въ Ольденбургъ. Императоръ Александръ I-й возвѣстилъ о смерти принца Георга Ольденбургскаго манифестомъ, даннымъ въ Сувалахъ отъ 5 января 1813 года. Отношеніемъ же отъ 31-го декабря 1812 г. Ярославскій губернаторъ кн. Голицынъ предложилъ Ростовскому предводителю дворянства Филатьеву, вмѣстѣ съ

До этого потрясающаго момента великая княгиня все еще надѣялась на выздоровленіе супруга, но едва она услышала послѣдній вздохъ принца, какъ тутъ же упала безъ чувствъ. Сильныя судороги распатали ея слабый организмъ и вызвали въ немъ продолжительную болѣзненность. Прежняя энергія почти совсѣмъ исчезла. Картина недолгой счастливой жизни смѣнилась картиною грусти и ужаса. Съ большою осторожностью ее перевезли въ Петербургъ, гдѣ заботливый материнскій уходъ и нѣжная любовь сестры сдѣлали то, что сильныя приступы боли смѣнились тихою скорбью по дорогомъ покойномъ мужѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и организмъ нѣсколько окрѣпъ, тѣмъ не менѣе пришлось искать исцѣленія на теплыхъ водахъ.

VII.

Весною 1813 года вел. кн. Екатерина Павловна отправилась изъ Петербурга въ Австрійскія владѣнія. Отъ 5 февраля великая княгиня писала генералу Деволану ¹⁾: «Если вѣсти обо

губернскимъ предводителемъ Майковымъ отправиться въ Тверь, а также и съ Угличскимъ предводителемъ, для сопровожденія въ С.-Петербургъ тѣла принца. (Рус. Стар. . Т. XIV, стр. 218).

¹⁾ Францъ Павловичъ Деволанъ, † 30 ноября 1818 г. Въ русскую службу вступилъ изъ голландской въ 1787 г.: состоялъ во флотѣ при дивизіи Грейга. Черезъ два года спустя, онъ носилъ званіе перваго инженера нашей южной арміи, былъ при осадѣ Измаила, Бендеръ, Аккермана и другихъ крѣпостей. Въ 1793 г. находился въ арміи Суворова. Въ 1797 г. Деволанъ былъ произведенъ въ генералы съ увольненіемъ отъ службы, но черезъ два года снова былъ приглашенъ на должность члена департамента водяныхъ коммуникацій. Во время службы въ этомъ департаментѣ, имѣлъ онъ въ своей инспекціи системы Маринскую и Тихвинскую, и нижнюю часть рѣки Волги отъ Рыбинска, съ рѣками Окою, Камою и другими; заведывалъ работами по рѣкамъ Цѣи и Сурѣ, чисткою дѣлновскихъ пороговъ и построеніемъ шлюзовъ съ обводными каналами, изъ которыхъ главнѣйшій, при Ненасытскомъ порогѣ, съ двумя шлюзами, совершенно оконченъ въ 1803 г.; онъ же, наконецъ, устроилъ каналъ Огинскій, оконченный и открытый въ томъ же году; проектировалъ и построилъ новую систему судоходства между Волгою и С.-Петербургскимъ портомъ, называемую Маринскою, по которой судоходство открыто въ 1808 г., хотя она совершенно окончена лишь въ 1810 г.; и вырылъ обводные каналы около Онежскаго озера

мнѣ могутъ возбудить въ васъ какое-либо участіе, скажу вамъ, что я уѣзжаю черезъ 4 недѣли и буду проѣздомъ въ австрійскихъ владѣніяхъ. Думаю ѣхать на Псковъ, Минскъ, Дубно, Радзивиловъ. Дороги будутъ плохи, но нужды нѣтъ, ибо спѣшить мнѣ некуда». А отъ 20-го февраля ¹⁾ увѣдомляла того же

отъ рѣки Витегры до верховья Свири, и около Ладожскаго озера для продолженія Ладожскаго и Сясьскаго каналовъ до устья Свири. Это важное гидротехническое сооруженіе совершенно окончено и открыто имъ въ 1810 г. Деволану принадлежать еще проектъ и постройка другой новой системы судоходства между Волгою и С.-Петербургскимъ портомъ, именно Тихвинской, оконченной въ 1811 г.; проектъ канала для соединенія Онежскаго озера съ Бѣлымъ моремъ посредствомъ рѣкъ Повѣнца и Выга (Сороки), между портами Повѣнецкимъ, Сорокинскимъ и Сумскимъ; проектъ соединенія Онежскаго озера съ Бѣлымъ моремъ на другомъ пунктѣ, при Онежскомъ портѣ черезъ рѣки Водлу, Кемъ и Онегу, и проектъ соединительнаго канала между Шексною и Сѣвѣрною Двиною для судоходства къ Архангельскому порту отъ Волги и для сообщеній между Архангельскомъ и Петербургомъ: этотъ каналъ названъ былъ сперва Кирилловскимъ, а впослѣдствіи каналомъ герцога Александра Виртембергскаго. Деволанъ ѣздилъ въ 1800 г. въ Одессу для образованія тамъ комитета, которому поручено было окончаніе порта и города, по его наставленіямъ, а въ 1804 г. для начатія города Новочеркасска, Таганрогскаго порта и разныхъ другихъ сооруженій по Кумѣ, Тереку, Манычу и Старому Каналу, предполагаемому для соединенія Волги съ Дономъ посредствомъ рѣкъ Иловли и Камышенки. Въ теченіи десяти лѣтъ, съ 1798 по 1809 г., какъ членъ департамента, онъ управлялъ всѣми предпріятіями по инспекціи Днѣпра, Днѣстра, Нѣмана, Оки, Волги и другихъ рѣкъ, и лично наблюдалъ за этими работами. При новомъ образованіи управленія, его опредѣлили въ корпусъ инженеровъ путей сообщенія генераль-инспекторомъ и членомъ совѣта, и въ 1810 г. инженеръ-генераломъ этого корпуса. Какъ членъ совѣта, онъ составилъ еще разныя проекты, приведенныя потомъ въ исполненіе, именно, проекты улучшенія города Твери, бичевниковъ по рѣкѣ Тверцѣ, и разныхъ зданій по Вышневолоцкой системѣ и Ладожскому каналу. По отбитіи директора путей сообщенія, принца Георга Гольштейнъ-Ольденбургскаго, въ мартѣ 1812 г., къ арміи, Деволану поручено было управленіе этою частію на правахъ главнаго директора, а по кончинѣ принца, возложено на него, 25 декабря 1819 г., управленіе всѣми дѣлами путей сообщенія. Въ августѣ 1814 г. онъ былъ опредѣленъ членомъ комитета министровъ.

¹⁾ 18 февраля Карамзинъ писалъ къ Дмитріеву: «Однимъ словомъ, думаю, что мнѣ надобно дожидаться здѣсь лѣта, вопреки моему сильному желанію обнять тебя, видѣть любезнѣйшую великую княгиню, и снова заняться моимъ исторіографическимъ дѣломъ, для котораго не имѣю здѣсь достаточныхъ способовъ. Богъ не жели благодарность привязываетъ меня къ великой княгинѣ; люблю ее всею душою; но ей не до меня. Слышно, что она не хочетъ никого видѣть, и живетъ только горестію; изнурия свое здоровіе. Это очень тревожитъ насъ».

Деволана, что ея «здоровье довольно хорошо, за исключеніемъ слабости и почти ежедневныхъ обмороковъ; меня заставляютъ брать ванны, но я не вѣрю въ ихъ дѣйствіе; путешествіе болѣе поможетъ, чѣмъ лѣченіе». 16-го марта Екатерина Павловна была уже въ Сибловѣ и писала оттуда къ Деволану: «Вы остались бы очень довольны, любезный генералъ, вашими дорогами. въ губерніяхъ Петербургской и Псковской; въ Бѣлоруссіи дороги грязнѣе, но вообще менѣе дурны, чѣмъ я ожидала, и во всѣ десять дней нашего путешествія насъ провожаетъ самая лучшая погода; повсюду я находила вашихъ «смотрителей» и признаюсь, что видѣла ихъ съ величайшимъ удовольствіемъ, ибо я отъ всего сердца и отъ всей души дорожу этимъ учрежденіемъ. Наканунѣ моего отъѣзда я получила письмо отъ Государя, въ которомъ онъ разрѣшаетъ мнѣ сказать ему мое мнѣніе о путяхъ сообщеній. Вы знаете, что я ему писала, что имѣю нѣчто на сердцѣ, и такъ, я намѣрена теперь говорить съ нимъ о томъ, въ чемъ мы убѣждены и если у васъ есть еще мысли на счетъ этой интересной отрасли управленія, то сообщайте мнѣ ихъ. Отъ Суража до сюда слѣды опустошенія ужасны: обгорѣлые, разрушенные дома, повсюду госпитали, остовы лошадей, множество новыхъ кладбищъ, страшная нищета и жалкія лошади. Любезный генералъ, очень пострадало наше бѣдное отечество! Мы проводимъ здѣсь 24 часа; маленький — прекрасный спутникъ, ибо онъ очень веселъ и не утомился; что касается до меня, то я еще не отдѣлалась отъ обмороковъ, но чистый воздухъ, полагаю, мнѣ поможетъ. Завтра я проѣзжаю Могилевъ не останавливаясь въ немъ, а въ концѣ недѣли я должна быть въ Кіевѣ». Ровно мѣсяцъ спустя вел. кн. Екатерина Павловна была уже въ Прагѣ, откуда писала отъ 16-го апрѣля Деволану: «Не смотря на всѣ мои просьбы о сохраненіи инкогнито. Императоръ велѣлъ отдать мнѣ тѣ же почести, какъ и себѣ, и я была принята пышно, при крикахъ, какъ сол-

дать, такъ и жителей: вивать, вивать Александръ! Это достаточно показываетъ напряженіе умовъ; никто даже того не скрываетъ и нашего Императора громко называютъ спасителемъ Европы. Надѣюсь скоро его увидѣть, я послала къ нему курьера, чтобы узнать на этотъ счетъ его приказанія. Будьте увѣрены, что не забуду о путяхъ сообщеній. Я буду слишкомъ счастлива, если когда-либо смогу доказать привязанность и уваженіе къ тому, котораго уже нѣтъ и который составлялъ мое счастье. Мое путешествіе было удачно, погода все время стояла хорошая и мой маленькій все болѣе развивается. Я нахожу, что Прага великолѣпный городъ; мѣстоположеніе прекрасно. Вообще въ этомъ отношеніи я испытала много наслажденія. Также восхищаетъ меня здѣсь заботливость и попечительность о всякой вещи — этотъ духъ охраненія столь неизвѣстный у насъ. Въ эту минуту находятся здѣсь: король Саксонскій со всѣмъ своимъ семействомъ и со своими сокровищами, но мы еще не знакомы, ибо онъ повидимому еще не рѣшилъ, на какую сторону стать, бывший курфирстъ Кассельскій и братъ его ландграфъ Фридрихъ, котораго я видѣла нынче вечеромъ (странные это люди), великій герцогъ Вюрцбургскій, котораго я еще увижу; нѣчто въ родѣ Вавилонскаго столпотворенія — толкотня друзей и враговъ. Мое пребываніе здѣсь продлится, можетъ быть, дней десять; собираюсь также посѣтить сестру въ Теплицъ. Но эта поѣздка вел. кн. Екатерины Павловны хотя и состоялась, но была неудачна; такъ, въ слѣдующемъ письмѣ отъ 5 мая изъ Праги же, она говорила: «Я не видѣла Государя, моя поѣздка въ Теплицъ была бесплодна. Важныя событія отодвинули назадъ главную квартиру и я могла остаться тамъ только день, ибо непріятель былъ отъ насъ въ одномъ переходѣ. Сестра и я пріѣхали сюда и жизнь здѣсь очень намъ нравится». Далѣе вел. кн. сообщаетъ, что «по желанію молодаго Муравьева, мы пишемъ прося меня принять его въ баталіонъ наравнѣ

съ прочими воспитанниками института. Это доставило мнѣ нѣкоторое удовольствіе, такъ какъ Государь Императоръ велѣлъ засвидѣтельствовать мнѣ, что онъ доволенъ храбростію, оказанною баталіономъ въ битвахъ, въ которыхъ онъ участвовалъ. Я написала къ брату, чтобы узнать, могу ли я надѣяться его увидѣть прежде, чѣмъ поѣду въ Карльсбадъ, что будетъ, полагаю, недѣли черезъ двѣ. Предметъ, о которомъ я хотѣла поговорить съ вами—желѣзная дорога и повозка, приспособленная къ ѣздѣ по ней; она очень отличается отъ англійской повозки и кажется мнѣ превосходною, механизмъ же ея приложимъ ко всякимъ повозкамъ, предназначеннымъ для перевозки большихъ тяжестей. Она о четырехъ обыкновенныхъ колесахъ, надъ которыми помѣщаются четыре другія, захватывающія ихъ зубцами.

Очень хорошо знаю, что по долгимъ нашимъ зимамъ подобныя дороги были бы у насъ не приложимы, но повозка могла бы пригодиться; она катится съ удивительной легкостью. Я попросила, чтобы мнѣ сдѣлали ея чертежъ и относящіеся къ ней вычисленія; чтобы переслать ихъ вамъ». За тѣмъ въ письмѣ изъ Карльсбада отъ 29 іюня вел. кн. писала: «Мой свекоръ уже три или четыре дня здѣсь — вотъ единственное удовольствіе, доставляемое мнѣ Карльсбадомъ. Городъ малъ, расположенъ въ долинѣ, стѣсненной довольно высокими горами, покрытыми ельникомъ. Есть люди, находящіе мѣстоположеніе это прелестнымъ; я не ихъ мнѣнія и я не понимаю, какъ могутъ находиться любители жизни на водахъ конечно самой утомительной и праздною, какую я только знаю. Здѣшнія воды приносятъ мнѣ болѣе вреда, чѣмъ пользы; обстоятельства таковы, что едва ли удастся мнѣ воспользоваться Эгерскими. Въ такомъ случаѣ думаю отправиться въ Венгрію, гдѣ есть воды очень сильныя и гдѣ климатъ мягче. Здѣшний же климатъ стоитъ нашего: надо топить и почти не смѣть держать окно открытымъ. Говорятъ это послѣдствіе какого-то далекаго землетрясенія».

По заключеніи союза между Россією и Австрією, вел. кн. Екатерина Павловна осенью отправилась въ Вѣну, гдѣ подружилась съ Императрицею австрійскою, которая скончалась незадолго до ея смерти. Въ сопровожденіи эрцгерцога Іоанна, котораго, какъ помнятъ читатели, князь Куракинъ сваталъ ей въ женихи, великая княгиня осмотрѣла достопримѣчательности Штиріи и потомъ поѣхала въ Прагу, но въ Линцѣ, узнавъ о знаменитой Лейпцигской побѣдѣ, поспѣшила чрезъ Эгеръ въ Веймаръ къ своей сестрѣ вел. кн. Маріи Павловнѣ. Прежде чѣмъ говорить о дальнѣйшемъ путешествіи вел. кн. Екатерины Павловны, мы приведемъ слѣдующія выдержки изъ ея интереснаго письма изъ Праги, отъ 20 октября, все къ тому же Деволану: «Я очень виновата, любезный генераль, простите меня, живя на большихъ дорогахъ, постоянно дѣлая новыя знакомства, я имѣю мало свободныхъ минутъ. Повѣрьте же, однако, что ни моя дружба къ вамъ, ни мое участіе къ той части, которою вы управляете, нисколько не измѣнились. Хотя я къ вамъ не писала, я не переставала заниматься вами, вашею славою и тою отраслью внутренняго управленія, которая имѣетъ столько правъ на мое участіе. Я въ Вѣнѣ слѣдила за всѣмъ по мѣрѣ моихъ силъ и замѣтила и даже заставила сознаться въ томъ, что внутреннее судоходство, очищеніе рѣкъ, гидравлическія сооруженія тутъ въ дѣтствѣ или, лучше сказать, что эта часть тутъ вовсе не существуетъ. Есть, правда, нѣкоторыя частныя работы, вызванныя случаемъ и доказывающія неискусство ихъ авторовъ. Я говорила о васъ, любезный генераль, я ссылалась на ваши безсмертныя труды, я обѣщала ихъ планы, я съ гордостью докажу міру, чѣмъ мы обладаемъ въ Россіи, чѣмъ мы вамъ обязаны. Прошу васъ велѣть мнѣ нарисовать всю систему Маріинскаго канала для специалистовъ съ профилями и т. д. Я увижу на дняхъ брата и попрошу у него дозволенія поднести эти чертежи эрцгерцогу Іоанну, начальнику инженерной части, принцу достойному ихъ оцѣнить. Вы бы не про-

вели Нейштадтскаго канала и не построили бы Коморнскаго моста—такъ дурно работать вы не умѣете». Далѣе великая княгиня писала: «Наши молодые люди, подъ руководствомъ Карбонье, молодецки сожгли Нейштадтскій мостъ. Можете себѣ представить, что повсюду, гдѣ бы я не увидѣла одну изъ моихъ лягушекъ, мнѣ кажется, что я вижу роднаго ребенка. Горе мое въ томъ, что я не могу сдѣлать ничего существеннаго, чтобы доказать имъ мою несокрушимую привязанность. Русскіе въ модѣ, любезный генералъ, какъ всѣ тѣ, которымъ улыбается счастье. Императоръ Александръ своимъ обращеніемъ покоряетъ всѣ сердца. Вамъ извѣстны подробности Лейпцигской битвы, потому я о ней не говорю. Всего болѣе поражаетъ меня своею грандіозностью то обстоятельство, что русскія войска теперь разставлены отъ Петропавловской крѣпости до береговъ Рейна и что есть люди, пришедшіе изъ Камчатки подъ Франкфуртъ. Но теперь-то именно не слѣдуетъ намъ пьянѣть отъ успѣховъ; но, напротивъ того, собрать жатву. Пролитши потоки крови, Россія, по крайней мѣрѣ, должна вслѣдствіе этого упрочить свое могущество и особенно свое преобладаніе на будущіе вѣка. Никто, вы давно должны это знать, не ревнивѣе меня къ славѣ нашего народа. Чѣмъ болѣе я вижу другихъ народовъ, тѣмъ болѣе убѣждаюсь я, что онъ между ними первый. Жизнь въ Вѣнѣ очень пріятна: насъ приняли, сестру и меня, столь дружественно, что намъ было очень хорошо. Оставивъ этотъ городъ, я проѣхала чрезъ Грацъ и Штейермаркъ, страну великолѣпную; я посѣтила рудники Эрцберга и надѣюсь поднести вамъ тамошніе минералы, достойные занять мѣсто въ вашемъ собраніи. Я видѣла также всѣ кузницы, которыми усѣяны эти прелестныя горы, и это одно изъ интереснѣйшихъ путешествій, когда-либо мною сдѣланныхъ; я пріѣхала чрезъ Линцъ и хотя то, что я видѣла въ Горной Австріи, великолѣпно, это еще не лучшая часть ея. Послѣ завтра, по приказанію брата, мы

йдемъ, сестра и я, въ Гофъ и оттуда, полагаю, въ Веймарнъ ¹⁾, мнѣ было бы трудно опредѣлить вамъ мои дальнѣйшія намѣренія: онѣ подчинены всѣмъ случайностямъ войны и политики. Мое здоровье нѣсколько лучше, но припадки все тѣ же».

Изъ Веймарна вел. кн. Екатерина Павловна отправилась въ Шафгаузенъ для свиданія съ Императоромъ Александромъ. Въ это время она проѣхала впервые Виртембергскія земли и обратила на себя общее вниманіе. Проживъ нѣсколько недѣль въ Шафгаузенѣ, предприняла небольшое путешествіе, находя въ движеніи и дѣятельности лучшее средство для поправленія своего здоровья.

Вотъ что, между прочимъ, великая княгиня писала изъ Шафгаузена, отъ 17 декабря, Деволану: «Кольмаръ взятъ, частныхъ успѣховъ множество и они составляютъ великое и прекрасное цѣлое, которымъ мы обязаны единственно талантамъ и твердости нашего Императора. Всякому существу пріятно слышать благословенія, которыми осыпаютъ его и которыя онъ заслуживаетъ во всѣхъ отношеніяхъ. Что касается до меня, то вотъ я по приказанію Государя въ Швейцаріи, не слишкомъ зная, сколько времени я здѣсь останусь и куда я дѣнусь, пока Даву запираетъ Сѣверъ; ибо всего болѣе хотѣлось бы мнѣ попасть въ Ольденбургъ. Увидѣвъ вчера Рейнскій водопадъ, я естественно подумала о васъ, великомъ укротителѣ водъ; вы сумѣли бы обуздать даже эти». Тамъ же ей былъ представленъ Миллеръ, братъ знаменитаго историка и другъ Гердера. Въ своемъ дневникѣ Миллеръ такъ отзывается о вел. кн. Екатеринѣ Павловнѣ: «въ ней нѣтъ нисколько женской пустоты, религіозной сентиментальности, она обладаетъ мужскимъ умомъ, особенною силою мышленія; въ ея взорѣ свѣтятся чистыя мысли, высшіе интересы».

¹⁾ Въ Веймарнѣ великая княгиня познакомилась съ профессоромъ Домбровскимъ, занимавшимся славянскими языками и о чемъ писала Карамзину отъ 10 Ноября.

VIII.

Въ январѣ 1814 года вел. кн. Екатерина Павловна отправилась черезъ Штутгартъ, Франкфуртъ, Кассель, Геттингенъ, Ганноверъ, Бременъ въ Ольденбургъ, гдѣ она прожила мѣсяць. Ея нѣжное обхожденіе съ шестидесятилѣтнимъ герцогомъ вызвало въ немъ высокое уваженіе къ ней, а ея материнская доброта — любовь всей страны. Живя въ Ольденбургѣ, вел. кн. Екатерина Павловна, отъ 9 февраля, писала о себѣ Деволану: «Бѣду 1-го марта въ Голландію, гдѣ проведу двѣ недѣли, чтобы увидѣть интересныя предметы этого знаменитаго уголка, украденнаго у моря; оттуда думаю поѣхать на два мѣсяца въ Англію; къ лѣту вернусь въ Богемію, чтобы пользоваться водами. Вы скажете, что я порхаю; это правда, но мнѣ кажется, что лучшаго мнѣ дѣлать нечего. Но за то, что скажете вы о нашихъ войскахъ, стоящихъ подъ стѣнами Парижа? Вотъ результаты, которыми мы обязаны единственно Императору; слава его заслужена, ибо никогда никабой Государь не совершалъ столько великихъ дѣлъ съ такимъ величіемъ и такою скромностью. — Я теперь въ родинѣ принца; пріѣзжая сюда, я была слишкомъ взволнована; его отецъ и братъ приняли меня съ прежнею дружбою. Городъ Ольденбургъ красивъ, въ особенности же очень веселъ; жители очень пострадали отъ Французскаго владычества».

Изъ Ольденбурга вел. кн. Екатерина Павловна отправилась въ Голландію. Тамъ она осмотрѣла всѣ достопримѣчательности, посѣтила въ Саардамѣ тотъ домикъ, въ которомъ Петръ I-й учился у плотника кораблестроенію, а изъ Гельвайстаюиса поѣхала въ Англію. Вотъ какъ наканунѣ своего отъѣзда изъ Голландіи въ Англію, описывала она свои впечатлѣнія о Голландіи въ письмѣ изъ Роттердама, отъ 19 марта: «Мнѣ нужно отвѣчать на два вашихъ письма, любезный ге-

нераль, въ особенности же поговорить о вашей родинѣ, которую я восхищена и, имѣя лишь мало свободныхъ минутъ, прямо обращаюсь къ самому главному. Петръ I, выбирая эту страну за норму для той, которую онъ хотѣлъ преобразовать, хорошо выбралъ и доказалъ свой великій геній тѣмъ, что нашелъ болѣе приложимыми къ нашей странѣ обычай голландскіе, чѣмъ германскіе. Я пріѣхала черезъ Амелоо, Кампенъ, Гардевикъ. Я ѣздила въ Цейстъ посмотрѣть Моравскихъ братьевъ, видѣла Утрехтъ, Гарлемъ, Лейденъ, Гагу, Дельфтъ, Роттердамъ и пускаюсь завтра въ море изъ Гельвайстлюкса. Я видѣла Саардамъ и Брукъ и клянусь вамъ, что отдаю вашей родинѣ пальму первенства. По порядку, заботливости, трудолюбію, здѣсь царствующимъ, это несомнѣнно та страна, которая дѣлаетъ наиболѣе чести уму человеческому; ибо нигдѣ онъ не выказалъ столько настойчивости; деревни похожи на города, а города содержатся способомъ, о которомъ у насъ нельзя составить себѣ и понятія. Вы знаете мою страсть къ правильности; тутъ она нашла полное удовлетвореніе: сады, аллеи, каналы, все по ниточкѣ; духъ здѣсь господствуетъ превосходный. Здѣшняя революція—одинъ изъ любопытнѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ фактовъ въ исторіи. Оранскій домъ торжествуетъ и царствующій принцъ могъ бы пользоваться неограниченною властью; не знаю, хватитъ ли у него на это энергіи. Я хотѣла послать вамъ новую конституцію, которая будетъ обнародована въ концѣ мѣсяца; она еще составляетъ тайну. Портретъ царствующаго принца послать вамъ, полагаю я, не стоитъ, вы его знаете и безъ того. Сынъ его, который женится на принцессѣ Шарлоттѣ Валійской, прелестный молодой человѣкъ, много общающійся. Я видѣла вдовствующую принцессу и отдаю ей справедливость въ томъ, что она очень умна и любезна. Здѣсь въ высшей степени настроены противъ Французовъ, да и пострадали же отъ этого проклятаго народа: всѣ капиталы уменьшились на треть. Какъ вамъ извѣстно, лю-

бешный генералъ, я люблю собирать медъ по пчелиному: хочу спросить васъ, извѣстны ли Вамъ новыя вѣтряныя мельницы для осушенія луговъ чрезъ поднятіе воды на разныя высоты? Мнѣ вѣжется, что мы могли бы воспользоваться ими для осушенія нашихъ болотъ въ Новгородской губ., и т. д. Далѣе, мнѣ казалось бы полезнымъ учредить при Институтѣ капиталъ для посылки молодыхъ людей рабочей бригады изъ тѣхъ, которыхъ Бетанкуръ заставляетъ учиться ремесламъ — сюда для практическаго изученія постройки плотинъ, шлюзовъ, мельницъ и т. д., а также плотничьяго и столярнаго искусства. Отвѣчайте мнѣ на этотъ счетъ, а потомъ увидимъ. Я довольно поѣздила по свѣту, но нигдѣ еще не видала я такихъ естественно-историческихъ сокровищъ и собраній, какія встрѣчаются въ этой странѣ у частныхъ лицъ. Вы также остались бы довольны людьми. Вашъ другъ Ванъ-деръ-Платенъ — коммандантъ въ Бредѣ. Когда мы увидимся, я готова подвергнуться экзамену на счетъ Голландіи, такъ я ею довольна. Завтра въ путь».

Незадолго до этого вел. кн. Екатерина Павловна встрѣтилась со своею бывшею нянькою, мистрисъ Друстъ, которая ее потомъ уже не покидала и благодаря которой она въ дѣтствѣ въ совершенствѣ изучила англійскій языкъ, такъ что впоследствии писала и читала какъ истая англичанка. Вслѣдствіе этого, ей въ Англіи легко было удовлетворить свою вѣчную жажду знаній, тѣмъ болѣе, что эта страна вовсе была не похожа на ранѣе ею видѣнныя.

Сестра Императора Александра I-го была принята при англійскомъ дворѣ съ большимъ почетомъ. Особенное вниманіе ей оказала принцесса Шарлотта Валійская, дочь принца регента и будущая правительница; съ нею вел. кн. Екатерина Павловна состояла въ тѣсной дружбѣ. Дружба эта чрезвычайно была пріятна принцессѣ, не имѣвшей ни сестеръ, ни молодыхъ подругъ; вотъ почему она такъ сильно привязалась

къ великой княгинѣ русской и открывала ей сокровенныя мысли своей дѣвичей души. Въ Лондонѣ вел. кн. Екатерина Павловна получила радостную вѣсть о сдачѣ Парижа. Это извѣстіе произвело на нее волшебное дѣйствіе. Душа ея вновь воспрянула изъ мрака тоски; судороги почти совсѣмъ исчезли, траурная одежда, которую она носила немного менѣе двухъ лѣтъ, была снята. Вскорѣ послѣ этого союзные монархи прибыли въ Лондонъ. Императора Александра I-го сопровождалъ король Пруссій и многіе владѣтельные князья. Нашъ Монархъ хотѣлъ познакомиться съ этою замѣчательною страной, съ ея прекрасными учрежденіями и неутомимой дѣятельностью этой энергичной націи. Великая княгиня повсюду сопровождала своего брата, побывала и въ Оксфордскомъ университетѣ, при посѣщеніи котораго Монархи получили званіе академикъ. Англичане не мало удивлялись тому, что русская княгиня такъ здраво и правильно разсуждаетъ о научныхъ предметахъ и искусныхъ изобрѣтеніяхъ. Въ свитѣ Александра I находились: принцъ Саксенъ-Кобургскій и наслѣдный принцъ Виртембергскій. Благодаря содѣйствію вел. кн. Екатерины Павловны, разстроился предполагаемый бракъ принцессы Шарлотты съ Нидерландскимъ наслѣднымъ принцемъ ¹⁾).

¹⁾ Подробности объ этомъ можно найти въ воспоминаніяхъ старой фрейлины Великобританскаго двора Амеліи Муррей, изданныхъ въ Лондонѣ въ 1868 году. (Recollections from 1808 to 1837 with a Conclusion in 1868 By the Hon. Amelia Murray. London. 1868. Longmans et Co). Принцъ Оранскій впоследствии сталъ супругомъ вел. кн. Анны, родной сестры Екатерины Павловны. Любопытенъ также разсказъ Муррей о томъ, что при крещеніи нынѣшней англійской королевы Викторіи восприемникомъ ея былъ Императоръ Александръ I, въ честь котораго по волѣ принца-регента, дано было ей имя Александрѣ, совсѣмъ не употребляемое въ Англіи. Это имя считалось главнымъ и принцесса только по волеизъявленію своему на престолъ пожелала замѣнить его вторымъ своимъ именемъ Викторію. Вообще извѣстно, что вел. кн. Екатерина Павловна принимала самое близкое участіе въ воспитаніи своей сестры Анны, начиная съ дѣтства ея возраста. Есть также указаніе на то, что въ 1810 г., именно въ ноябрѣ мѣсяцѣ, было предложено выдать замужъ вел. кн. Анну Павловну за прусскаго короля, а по словамъ французскаго посланника герцога Виллѣ-

Принцъ Виртембергскій приходился родственникомъ англійскаго королевскаго дома ¹⁾; за свои военныя заслуги и отличія, оказанныя имъ во время войны за освобожденіе своей отчизны и за свою изысканную любезность, онъ былъ принятъ отлично. Великая княгиня была очень любезна со своимъ двоюроднымъ братомъ и прогостила три мѣсяца въ Англіи, Екатерина Павловна отправилась на одномъ кораблѣ изъ Дувра въ Кале ²⁾ вмѣстѣ съ наслѣднымъ принцемъ Виртембергскимъ. Изъ Кале она поѣхала чрезъ Брюссель и Ахенъ въ Кельнъ и въ іюнѣ 1814 года увидѣлась тамъ вновь съ Императоромъ Александромъ I. Изъ Вельна великая княгиня продолжала свое путешествіе вверхъ по Рейну и посѣтила Богемскія теплицы, а въ сентябрѣ мѣсяцѣ пріѣхала на конгрессъ въ Вѣну. За нѣсколько дней до своего вѣзда въ столицу Австріи, вел. кн. Екатерина Павловна писала слѣдующее письмо къ Деволану изъ Брюнны: «Пользуюсь, любезный генералъ, первою немного спокойною минутою, чтобы написать вамъ эти строки, живо сожалея о томъ, что такъ долго не имѣю объ васъ извѣстій и о томъ, что не могу давать ихъ вамъ о себѣ такъ исправно, какъ я бы того хотѣла. По приказанію Государя, ожидаю здѣсь его пріѣзда въ Вѣну, гдѣ я также думаю провести время конгресса, послѣ чего я, вѣро-

скаго, два прусскіхъ агента вмѣсто того, чтобы пріѣхать въ Петербургъ, остановились въ Твери у вел. кн. Екатерины Павловны и она, явно враждебная Франціи, сообщила предложенія вдовствующей Императрицѣ (см. Имп. Истор. Общ., вып. 21, стр. 208).

¹⁾ Его матица была сестрою Георга IV, бывшаго тогда королемъ Англіи.

²⁾ Издатель «Сина Отечества», печатавъ въ 1819 г. краткое жизнеописаніе в. к. Екатерины Павловны въ подтвержденіе словъ, что она съ перваго взгляда производила на всѣхъ сильное, неизгладимое впечатлѣніе, говорить, что корабельщики въ Кале люди самые простыя и грубыя, не могутъ забыть ея. Одинъ изъ нихъ говорилъ ему, когда онъ сомнѣвался въ крѣпости его лодки и его искусствъ: «Господинъ русскій, я возилъ вашего Государя, и онъ былъ мною доволенъ. Онъ щедро одарилъ меня, а что всего важнѣе познакомилъ меня со своею сестрою. То-то Государыня! ласковая, пріятливая! за нее отдашь бы и жизнь свою!»

ятно, вернусь въ Петербургъ. На это сборище съѣзжаются potentаты всѣхъ странъ и цвѣтовъ, что для насъ, зѣвакъ, составляетъ прелюбопытное зрѣлище. Короли Датскій, Прусскій, Баварскій и Виртембергскій, королевскіе принцы Шведскій и Виртембергскій, почти всѣ властители Германіи и принцы съ ихъ свитою, не считая всѣхъ дипломатовъ Европы; множество путешественниковъ, которые привлекаются этимъ зрѣлищемъ и предстоящими празднествами. Что касается до меня, любезный генералъ, то по привычкѣ отдавать вамъ отчетъ въ моихъ наблюденіяхъ, возвращаюсь къ нимъ. Австрійская Имперія — великая и сильная держава, гораздо болѣе могущественная, чѣмъ кажется, и способная, если ея хорошо управлять, на самыя великія предпріятія; Англія — страна наслажденія жизнью; Бельгія могла бы назваться страной счастливою, если бы люди соответствовали намѣреніямъ Создателя; Саксонія — поприще пейзажнаго живописца; берега Рейна представляютъ сожалѣть о томъ, что Германія состоитъ вся изъ кусочковъ; Голландія наконецъ — дивная страна, гдѣ промышленность все создала и гдѣ природа ее уважила, словно небо, удивленное смѣлостью людей, не хочетъ ихъ тревожить въ ихъ предпріятіяхъ. Я много видѣла, но относительно могущества, дѣятельности и промышленности всего болѣе поразила меня эта страна. При томъ ея жители люди разумные, а не педанты. Говорятъ, что у меня дурной вкусъ, но что же дѣлать, остаюсь при немъ».

IX.

Въ Вѣну вел. кн. Екатерина Павловна прибыла вмѣстѣ со своею сестрою Марією Павловною. При Ихъ Высочествахъ были наши посланники графъ Головкинъ и Ханьковъ ¹⁾. Пер-

¹⁾ Какъ эти свѣдѣнія, такъ и другія о пребываніи вел. кн. Екатерины Павловны въ Вѣнѣ, нами заимствованы изъ Записокъ А. Михайловскаго-Данилевскаго изданія 1841 г., см. стр. 12, 14, 32, 48, 54 и 106.

вый изъ нихъ, какъ мы уже говорили, былъ извѣстенъ посольствомъ въ Китай, а второй сочинялъ прекрасные стихи на французскомъ языкѣ. Извѣстный принцъ де-Линь, сопровождавшій Императрицу Екатерину II въ 1787 г. въ ея путешествіи по Тавридѣ, сказалъ: «Великая княгиня Марія привязываетъ къ себѣ сердца, а Екатерина беретъ ихъ приступомъ». По приѣздѣ во дворецъ Императора Александра I-го, онъ былъ встрѣченъ Императоромъ Францомъ I, съ которымъ и шелъ въ первой парѣ, а потомъ король Прусскій велъ обѣихъ великихъ княгинь. За обѣдомъ, даннымъ нашимъ Государемъ на другой день въ великолѣпномъ домѣ графа Разумовскаго, поселившагося въ Вѣнѣ, онъ преимущественно обращалъ рѣчь къ эрцгерцогу Карлу и два раза обнялъ фельдмаршала князя Шварценберга, которому вел. кн. Екатерина Павловна, выходя изъ-за стола, протянула руку; такимъ образомъ предводитель союзныхъ армій подъ Лейпцигомъ, отличаеый при каждомъ случаѣ Александромъ I, шелъ впереди большей части принцевъ царской крови. Во время конгресса вѣнской дворъ былъ неистощимъ въ изобрѣтеніяхъ увеселеній и праздниковъ. По многочисленности своей, балы становились слишкомъ однообразны; потому прибѣгли къ другому рода забавамъ. Выпалъ снѣгъ и начали готовить катанье въ великолѣпныхъ саняхъ, блестящихъ позолотою и сдѣланныхъ на подобіе колесницъ. Но снѣгъ скоро сошелъ и принуждены были отрядить множество людей собирать его по полямъ въ корзины и усыпать имъ дорогу, назначенную для катанія. Впереди ѣхалъ оберъ-штабмейстеръ Траутмансдорфъ, за нимъ слѣдовалъ Императоръ Францъ съ Императрицею Елизаветою Алексѣевною, потомъ Государь съ княгинею Габріеллою Ауерсбергъ, послѣ король Прусскій съ вел. кн. Марією Павловною и т. д. Всѣхъ саней было до пятидесяти. Въ нихъ сидѣли исключительно владѣтельные особы. Послѣ гулянья былъ карусель въ манежѣ, самомъ огромномъ и красивомъ въ Европѣ.

Сражавшіеся рыцари, въ одеждѣ среднихъ вѣковъ, со шляпами, украшенными разноцвѣтными перьями, принадлежали къ знатнѣйшимъ фамиліямъ. Конскіе уборы соотвѣтствовали одеждѣ всадниковъ. По старинному обычаю, для раздачи наградъ побѣдителямъ, сидѣли въ отдѣльной ложѣ дамы сердецъ рыцарей. Въ полномъ смыслѣ слова они были залиты драгоценными камнями. Зрители карусели состояли изъ всѣхъ знаменитыхъ того времени людей. Слушая о всѣхъ этихъ увеселеніяхъ, умиравшій принцъ де-Линь сказалъ: «Не достааетъ имъ только церемоніальнаго шествія, которое сопровождаетъ императорскаго маршала; я берусь доставить имъ эту потѣху». Онъ, точно, умеръ до окончанія конгресса. Отъ всѣхъ дѣлъ и торжествъ Александръ отдыхалъ въ кругу своихъ близкихъ. Онъ забивалъ со своими сестрами всякій этикетъ и придумывалъ разныя шутки. Разъ онъ переодѣлся въ платье и наголку вел. кн. Екатерины Павловны и поразилъ всѣхъ необыкновеннымъ сходствомъ своимъ съ нею ¹⁾.

По приглашенію своего деверя, эрцгерцога Паллатина, вел. кн. посѣтила Венгрію и въ Офенѣ пролила слезы надъ могилою сестры своей вел. кн. Александры Павловны, супруги эрцгерцога, оттуда поѣхала она черезъ Линцъ и Штутгардъ въ Веймаръ, гдѣ увидѣлась со старшимъ своимъ сыномъ. Изъ Веймарна надѣялась она посѣтить Голштинію, но перемѣнила это намѣреніе, желая быть ближе къ театру войны, поселилась она въ Висбаденѣ и жила тамъ три мѣсяца; тамошнему цѣлебному источнику она обязана была совершеннымъ восстановленіемъ своего здоровья.

Война съ Франціею вскорѣ была окончена, и Европа озарилась лучами мира, жизнь великой княгини также измѣнилась.

Во Франкфуртѣ она снова встрѣтила наслѣднаго принца Виртембергскаго, которому дала свое согласіе вступить съ

¹⁾ См. «Рус. Стар.». Т. XX, стр. 609.

нимъ въ бракъ. Она сама извѣстила объ этомъ свою сестру Марію, наслѣдную принцессу Веймарнскую, а затѣмъ, въ октябрѣ 1815 года отправилась черезъ Веймарнъ и Берлинъ въ Россію. Въ Берлинѣ великая княгиня встрѣтила Императора Александра I и, условившись съ нимъ о своемъ бракѣ, поспѣшила въ Петербургъ, куда и прибыла въ первыхъ числахъ декабря. По пріѣздѣ своемъ, вел. кн. Екатерина Павловна занялась распредѣленіемъ между своими сыновьями отцовскаго наслѣдства, причемъ она особенно заботилась, чтобы не было какихъ нибудь урѣзокъ. Безгранично добрая мать дала своимъ сыновьямъ гораздо болѣе, чѣмъ требовалъ законъ, именно: большую половину своего богатаго приданого и кромѣ того значительный капиталъ. Такимъ образомъ у сыновей стало больше состоянія, чѣмъ у матери, и ихъ достояніе было гораздо богаче, чѣмъ многихъ лучшихъ германскихъ принцевъ. Но материнское сердце не могло разстаться съ сыновьями. Она постоянно спрашивала, гдѣ ихъ воспитывать: въ Петербургѣ, или въ Ольденбургѣ. Принцъ ¹⁾, пріѣхавшій въ Петербургъ совѣтовалъ ей не разставаться съ многообѣщающими сыновьями.

¹⁾ Вильгельмъ-Фридрихъ-Карлъ родился въ Либенѣ, въ Силезіи, 27-го сентября 1781 г., отъ Фридриха I, короля Виртембергскаго и Брауншвейгской принцессы Августы-Каролины-Фридерики-Луизы, сочетавшейся съ нимъ бракомъ 27 октября 1780 года. Отецъ его въ то время былъ прусскимъ генераломъ. Съ дѣтства Вильгельму пришлось кочевать изъ страны въ страну; такъ, изъ Силезіи въ Россію, изъ Россіи въ Швейцарію, потомъ въ Германію на Рейнъ и лишь въ 1790 году окончились его скитанія. Онъ лишился матери на 7-мъ году и находился подъ надзоромъ постороннихъ людей; не всегда пользовался воспитаніемъ, какое подобаетъ принцу. Однако, наставникъ его докторъ Гроссъ, бывшій профессоръ въ Эрлангенѣ, оказалъ ему важныя услуги. Въ 1800 году Вильгельмъ вступилъ въ австрійскую военную службу и подъ начальствомъ герцога Іоанна участвовалъ, на 19-мъ году, въ сраженіи при Гогенлинденѣ, при чемъ показалъ свою неустрашимость и отвагу, которыми онъ удивилъ впоследствии. Герцогъ Фридрихъ былъ страшно строгъ, почему Вильгельмъ удалился отъ двора и въ 1803 г. отправился путешествовать по Европѣ, былъ въ Вѣнѣ, въ Парижѣ, а въ Италіи пробылъ дѣльныхъ три года, изучая исторію и искусства этой страны. Въ 1806 году Вильгельмъ женился на Баварской принцессѣ Шарлоттѣ Августѣ, бракъ съ которой, въ 1815 году былъ, по обоюдному согласію, расторгнутъ. Въ 1812 году, по желанію отца, принялъ начальство надъ

X.

28 декабря 1815 года послѣдовало торжественное обрученіе, а 12 января 1816 года съ большимъ блескомъ совершено было и бракосочетаніе¹⁾. Молодая чета провела въ Петербургѣ мѣсяцъ, чтобы присутствовать при бракосочетаніи вел. кн. Анны Павловны съ Нидерландскимъ наслѣднымъ принцемъ, состоявшимся 9 февраля²⁾. Это двойное торжество подало поводъ къ устройству въ Петербургѣ большихъ празднествъ, при которыхъ присутствовало много иностранцевъ. Петербургъ представлялъ великолѣпное зрѣлище. Кронпринцъ Виртембергскій съ супругою покинули нашу столицу 2 марта и уже 1 апрѣля они торжественно въѣзжали въ Штутгартъ. Драгоцѣнное приданое великой княгини для жителей города было никогда невиданнымъ зрѣлищемъ. Много транспортовъ съ приданнымъ прибывало изъ Россіи и то, что они привезли было выставлено для обзора публики въ комнатахъ дворца; зрители приходили въ изумленіе отъ видѣннаго. Многіе опасались, что придворный штатъ долженъ увеличиться, и ма-

15,000 виртембергцевъ, вошедшихъ въ число 20 народовъ, двинутыхъ Наполеономъ въ Россію. Но вскорѣ послѣ вторженія онъ опасно занемогъ и остался въ Вильнѣ. Въ концѣ 1813 года онъ возсталъ противъ Наполеона, а послѣ Лейпцигской битвы и отецъ его присоединился къ союзнымъ державамъ. Вильгельмъ получилъ начальство надъ сильнымъ отрядомъ, составленнымъ изъ корпуса виртембергцевъ и нѣсколькихъ русскихъ и австрійскихъ полковъ. Онъ отличился въ битвахъ: при Эпинѣ, Бриеннѣ, Саксѣ и Монтро, гдѣ съ малымъ числомъ войскъ цѣлый день держался противъ Наполеона.

1) На первое бракосочетаніе вел. кн. Екатерины Павловны съ принцемъ Ольденбургскимъ говоритъ «слово» преосвященный Теофилактъ, архіепископъ Рязанскій, оно было напечатано въ Спб. въ 1809 г.

2) Въ это время Карамзинъ хлопоталъ о томъ, чтобы ему были выданы деньги изъ казны для напечатанія его Исторіи, вел. кн. Екатерина Павловна, выразилась какъ-то: «Намъ исторіографъ рискаетъ по городу, но почему его такъ ублажаютъ? — «Потому, отвѣчалъ гр. Растопчинъ, что онъ швейцаръ у воротъ безсмертія». Она засмѣялась и послѣ съ важностію промолвила: однако я желаю-бы, чтобы все это уже окончилось». — Погодинъ — «Н. М. Карамзинъ» стр. 140.

ленькое небогатое королевство не будетъ въ состояніи вынести такихъ издержекъ. Но думавшіе такъ страшно ошиблись, такъ какъ не знали пристрастія великой княгини къ простому образу жизни. Дворецъ кронпринца былъ очень помѣстительнъ, но придворный штатъ крайне ограниченъ. Сначала молодые помѣстились въ домѣ принца Павла, брата кронпринца, такъ какъ ихъ собственный дворецъ не былъ еще приведенъ въ порядокъ. Великая княгиня здѣсь, какъ и въ Твери, взяла на себя управленіе придворнымъ штатомъ, значительно уменьшила расходы, а доходы увеличила. Этимъ она возбудила ненависть и порицаніе высокопоставленныхъ лицъ; не богатый же людъ, которому она щедро помогала, искренно молился за нее ¹⁾. Какъ только она узнавала, что кто нибудь находится въ бѣдственномъ положеніи, тотчасъ спѣшила къ нему на помощь, которую оказывала въ тайнѣ. Но несчастные вскорѣ узнали, кто была ихъ благодѣтельница. Чтобы не обременять расходами небогатое королевство, великая княгиня ограничилась небольшимъ придворнымъ штатомъ, который былъ набранъ преимущественно изъ вюртембергцевъ. Изъ Россіи Екатерина Павловна привезла съ собою только собственную няньку, мистрисъ Друстъ, бонну для принцевъ Ольденбургскихъ. камерфрау, камердинера покойнаго супруга; къ этимъ четыремъ лицамъ она прибавила въ Штутгартѣ обергофмейстера, обергофмейстерину, а кронпринцъ отъ себя назначилъ фрейлиною супруги г-жу Бауеръ. Эта талантливая и очень образованная дама провела до этого нѣсколько лѣтъ въ Штутгартѣ; она сумѣла приобрести полное довѣріе своей новой повелительницы. Корреспонденціею и иностранными дѣлами у

¹⁾ Въ «Рус. Арх.» за 1868 г., стр. 103 напечатано письмо графа М. А. Дмитріева-Мамонова, въ которомъ онъ благодаритъ за вниманіе къ себѣ и просьбы о немъ у Александра I вел. кн. Екатерину Павловну, почему графъ писалъ: «съ отбытіемъ Вашего Имп. Высочества навсегда въ чужія страны, лишаюсь я единственной моей заступницы».

у великой княгини завѣдывалъ нѣкто фонъ-Бупманъ, частный секретарь покойнаго принца, онъ же былъ воспитателемъ малолѣтнихъ принцевъ Ольденбургскихъ. По кончинѣ принца вел. кн. Екатерина Павловна сдѣлала его чтецомъ и бібліотекаремъ; молодые принцы, благодаря ему познакомились съ русскимъ языкомъ. Кронпринцесса скоро приобрѣла полное довѣріе своего новаго свекра, человѣка крайне суроваго и неподатливаго. Этимъ довѣріемъ она воспользовалась для того, чтобы точнѣе узнать положеніе дѣлъ въ королевствѣ и подготовиться къ великимъ обязанностямъ, въ истинномъ смыслѣ слова, матери страны.

Великая княгиня Екатерина Павловна проводила большую часть года въ замкѣ Бельвиу, который былъ ей подаренъ королемъ Фридрихомъ; этотъ замокъ расположенъ въ живописной мѣстности и отъ Штутгарта отстоитъ въ получасовомъ разстояніи. Жизнь она вела крайне дѣятельную; особенно много времени она посвящала на воспитаніе своихъ дѣтей. Великая княгиня полагала, что для этого мало материнской любви и супругъ помогалъ ей въ этомъ дѣлѣ съ истинною отцовскою заботливостью. 30 октября 1816 г. умеръ король Фридрихъ, благословляя кронпринцессу Екатерину, которая неустанно ухаживала за нимъ во время болѣзни. Вступившій на престолъ сынъ его Вильгельмъ, въ тотъ же день былъ обрадованъ рожденіемъ принцессы, нареченной Маріею Фридриковою Шарлотою ¹⁾).

Когда вскорѣ насталъ въ Виртембергскомъ королевствѣ голодъ, то кронпринцесса вознамѣрилась удовлетворить этой потребности, но вмѣстѣ съ тѣмъ, утоляя голодъ физическій, она рѣшилась сдѣлать его орудіемъ къ утоленію голода духовнаго и нравственнаго, именно образовать людей, которыхъ

¹⁾ Съ 19-го марта 1840 года была въ супружествѣ съ Альфредомъ графомъ Нейпергскимъ.

спасла отъ голодной смерти. Зная, что воля одного человѣка безсильна, она обратилась ко всѣмъ благотворителямъ въ странѣ, особенно же къ женскому полу, котораго прекраснѣйшая обязанность въ жизни есть вспоможеніе ближнему (слова Екатерины Павловны). Такъ возникла въ душѣ ея мысль основать въ исходѣ 1816 года «Благотворительное общество», составившееся съ соизволенія короля, какъ изъ лицъ мужскаго, такъ и женскаго пола. Это общество, распространенное по всему королевству, должно было соединять силы свои, чтобы облегчать бѣдствія людей во всякое время». (Изъ наказа обществу). Король и королева съ истинною царскою щедростью подавали примѣръ своимъ подданнымъ въ благотвореніяхъ. Но важнѣе всего было благоразумное распредѣленіе этихъ даровъ милосердія. «Доставить работу важнѣе, чѣмъ подать милостыню», говорила Екатерина Павловна и способствовала къ учрежденію во всѣхъ краяхъ своего королевства домовъ Трудолюбія, которые бы доставляли всякому гражданину средства не только пропитать себя, не оскорбляя чести его, но и быть полезнымъ обществу своими трудами. Съ этою цѣлію открытъ былъ въ столицѣ магазинъ разныхъ издѣлій, въ которомъ продавались работы бѣдныхъ и пожертвованныя вещи.

Королева, желая посредствомъ наставленія юношества въ вѣрѣ и нравственности, предохранить народъ отъ разврата, обратить силы его на пользу общественную, образовать его умъ, облагородить чувства и душу, а тѣло укрѣпить работою и во всемъ дѣйствовать по Евангелію, ради этого желанія осуществилось основаніе «Училища для бѣдныхъ», носящее ея имя.

Съ равною дѣятельностью трудилась Королева и въ маломъ и большомъ, говоря: «дѣлая добро не должно отлагать, не должно пропускать и самой маловажной вещи». При собственной дѣятельности не отвергала она никогда чужихъ совѣтовъ, замѣчаній и даже осужденій. Она не только прини-

мала, но требовала дополненій ея свѣдѣніямъ, возраженій, основательныхъ опроверженій (собственныя слова ея). Она не огорчалась несправедливыми сужденіями и клеветою, даже, памятуя всегда правило христіанской вѣры, повелѣвающее, для достиженія добра, претерпѣвать зло. Королевою было принято также званіе покровительницы «Общества сельскаго хозяйства», учрежденное ея мужемъ лѣтомъ 1817 г. Она споспѣшествовала трудамъ этого общества своими знаніями и опытами, дарила выписываемыми изъ другихъ земель сѣменами, моделями и машинами, умножала библіотеку и присовокупляла къ наградамъ, установленнымъ супругомъ, собственныя средства. Памятникомъ ея благотворнаго вниманія къ пользамъ недостаточныхъ людей было учрежденіе при благотворительномъ обществѣ «Сохранной казны», которая должна была доставлять бѣднягамъ возможность отдавать на прощаніе % въ вѣрныя руки свои сбереженія, чтобы имѣть копѣйку на черный день.

17-го іюня 1818 года у Королевы родилась вторая дочь Софія, Фредерика-Матильда (вышла замужъ въ 1839 году за наслѣднаго принца бывшаго впоследствии королемъ Нидерландовъ подъ именемъ Вильгельма III).

Немногіе годы, въ теченіи которыхъ вел. кн. Екатерина Павловна была королевою Виртембергскою, она провела почти непрерывно среди своего народа. Только въ іюлѣ мѣсяцѣ 1816 г. предприняла со своимъ супругомъ путешествіе чрезъ Верхнюю Швабію въ Швейцарію, а лѣтомъ 1817 г. ѣздила въ Баденъ-Баденъ. Въ послѣднюю осень жизни Королевы посѣтила ее мать, Императрица Марія Теодоровна, прибывшая прямо въ Штутгартъ изъ Карлсруэ ¹⁾. Цвѣтущее здоровье,

¹⁾ Въ Карлсруэ жила Императрица Елисавета Алексѣевна, къ которой пріѣзжала вел. кн. Екатерина Павловна и взяла съ нея слово посѣтить ея въ Штутгартъ на обратномъ пути въ Россію. («Русск. Старина». 1884 г. Т. 44, стр. 384).

полное счастье любимой дочери удваивало радость свиданія. Съ дѣтскою любовію достойная наслѣдница добродѣтелей славной Государыни, представила ей свои заведенія и восхищалась слезами умиленія своей матери. Въ концѣ ноября мѣсяца братья королевы Екатерины — Александръ и Михаилъ Павловичи посѣтили ее на короткое время. Въ концѣ декабря мѣсяца Екатерина Павловна заболѣла легкою ревматическою лихорадкою, которая настолько казалась неопасною, что объ этой болѣзни ничего не знали даже въ столицѣ. 25 декабря къ лихорадкѣ присоединилось воспаленіе въ лицѣ, на другой день оно перешло на мозгъ, а 28 декабря, ровно три года спустя, изъ дня въ день, послѣ обрученія Екатерины Павловны со вторымъ своимъ супругомъ, ее не стало.

Въ Петербургѣ о смерти королевы Виртембергской получено было извѣстіе лишь 24 января 1819 г., это мы узнаемъ изъ записокъ квакуера Греллэ-де-Монбилль¹⁾, который записалъ подъ этимъ числомъ слѣдующіе строки: «Мы получили записку, которою насъ извѣстили о желаніи вдовствующей Императрицы принять насъ у себя во дворцѣ; но, отправляясь туда, мы узнали о внезапной кончинѣ ея дочери принцессы Виртембергской. Несчастье это сильно подѣйствовало на Императора, такъ какъ покойная была самая любимая сестра его». Затѣмъ 14 февраля тотъ же Греллэ, представляя Марію Ѳеодоровнѣ, говоритъ, что: «Она очень была тронута, видя, что мы такъ живо сочувствуемъ ея скорби по случаю кончины ея дочери королевы Виртембергской, съ которою мы имѣли случай познакомиться въ Лондонѣ. Узнавъ, что мы на обратномъ пути намѣрены посѣтить Штутгартъ, она просила насъ повидаться тамъ съ ея осиротѣвшими внуками».

На кончину Королевы Виртембергской написалъ стихи

¹⁾ См. «Рус. Стар.». 1874 г. Т. I, стр. 10 и 15.

поэтъ В. А. Жуковский и князь Ив. Долгорукій, издавшій ихъ отдѣльно въ Москвѣ въ 1819 г. Послѣдній такъ характеризовалъ въ своихъ стихахъ покойную великую княгиню:

«Россія! возрыдай; не изъ обрада лъстя,
Гласъ сердца вопіетъ: оно твое дитя!
Забудешь ли, что та, чей жребій совершился,
Чей духъ отъ тѣла взятъ, на небо преселился,
Въ твоихъ странахъ родася воспитана, выросла
И Россійской быть своимъ трофеешъ чла?
Забудешь ли ея въ тебѣ благотворенья?
Въ наитіе судьбы, въ жестоки искушенья?
По качествамъ души превыше трона ставъ:
Хранила вѣры долгъ, отечества уставъ;
Въ чужія племена союзомъ увлеченна,
Ей родина была повсюду драгоцѣнна,
Съ участіемъ о ней пріемля добру вѣсть,
Чадъ Сѣвера хвалу себѣ вмѣняла въ честь.
И вспомни наконецъ, что имя той носила,
Чьей славою громка твоя до нынѣ сила!
Екатерина тамъ въ Екатеринѣ зрить
Нисшедшій отъ нея духъ кротости и видъ;
Проматеринныхъ дѣлъ изъ дѣтства бывъ свидѣтель
Природа въ колыбель ей всѣ дары дала,
А генія печать отъ неба приняла;
Но смертнаго, увы! суть кратки дни блаженства
И въ могилѣ скрытъ отъ насъ сей образъ совершенства!»

Лира Жуковского вылилась въ прекрасной, длинной, трогательной, но менѣе характерной элегій:

«Ты улетѣлъ, небесный посѣтитель,
Ты погостилъ недолго на землѣ
Мечталось намъ, что здѣсь твоя обитель,
Уже своимъ тебя мы нарекли...
Пришла судьба, свирѣпый истребитель
И ми слѣдовъ твоихъ ужъ не нашли.
Прекрасное погибло въ пышномъ цвѣтѣ...
Таковъ удѣлъ прекраснаго на свѣтѣ!...
О наша жизнь, гдѣ вѣрны лишь утраты,
Гдѣ милому мгновеніе лишь дано,
Гдѣ скорбь безъ крылъ, а радости крылаты,
И гдѣ на вѣкъ минувшее дано...»

Замѣчательно, что В. А. Жуковскому, написавшему стихи на кончину королевы Виртембергской Екатерины Павловны,

пришлось вѣнчаться въ церкви, сооруженной надъ ея могилой на красной горѣ, блисъ родоваго замка принцевъ Виртембергскихъ, по проекту придворнаго скульптора Салюччи. Это обстоятельство, мы узнали изъ письма поэта къ Булгарину ¹⁾.

21 мая 1846 года.
2 июня

«Въ этотъ день за пять лѣтъ предъ симъ, подымались на гору (называемою Ротенбергъ, возвышающуюся надъ маленькимъ городомъ Канштадтомъ) двѣ кареты. Въ одной изъ нихъ сидѣлъ однорукій инвалидъ съ двурукимъ поэтомъ, а въ другой пожилая дама съ двумя прелестными дочерьми; инвалидъ былъ мужъ этой дамы и отецъ обѣихъ дочерей, а двурукій поэтъ былъ женихъ старшей дочери. Было три часа пополудни. На Ротенбергѣ была русская церковь надъ прахомъ Виртембергской королевы, русской Екатерины. День былъ прекрасный. Въ церкви совершилось вѣнчаніе тихо и благоговѣйно. Этотъ обрядъ повторился у подошвы горы, въ церкви лютеранской, гдѣ была сказана обвѣнченнымъ простая трогательная проповѣдь. И теперь ровно пять лѣтъ прошло съ этой минуты; она имѣла благословенныя послѣдствія, и Жуковский (ибо двурукій поэтъ былъ Жуковский) можетъ сказать своему доброму Булгарину, что онъ въ эти пять лѣтъ познакомился съ настоящею жизнею, которой тайна хранится подъ замкомъ во святилищѣ семейномъ».

Это обстоятельство крайне знаменательно въ томъ еще отношеніи, что само Провидѣніе, какъ бы невольно, привело поэта совершить самый важный обрядъ въ жизни на ея могилѣ, а недоброжелатель великой княгини М. М. Сперанскій, получившій извѣстіе о ея кончинѣ въ Пензѣ, писалъ своей дочери изъ этого города отъ 28 января 1819 г. слѣдующія строки ¹⁾: «Прощай моя милая, Христосъ съ тобою. Сегодня наши ба-

¹⁾ См. «Рус. Арх.». 1868 г., стр. 1461.

²⁾ «Рус. Арх.». 1868 г., стр. 1193.

рышнии играютъ комедію. У насъ нѣтъ еще ничего оффиціального о траурѣ, а мнѣ жаль лишить бѣдныхъ, въ пользу коихъ дается сіе представленіе, довольно значительнаго сбора».

Такимъ образомъ комедія, положимъ, дававшаяся съ уважительнымъ мотивомъ помѣшала ему отнестись достодожнымъ образомъ къ почившему вѣчнымъ сномъ недругу...

Наконецъ, въ заключеніе приведемъ еще строки изъ статьи «Черты русской политики», свидѣтельствующія о перемѣнѣ, происшедшей послѣ кончины Екатерины Павловны въ управленіи Виртембергскаго королевства ¹⁾.

«Лишь только прошелъ слухъ о намѣреніи Австріи устроить карльсбадскія совѣщанія, какъ Вильгельмъ задумалъ приготовить ей оппозицію: онъ немедленно созвалъ сеймъ для составленія конституціи и такъ быстро повелъ дѣло, что уже 26 сентября успѣлъ ее обнародовать. Что бы сказала теперь объ этой конституціи супруга короля, Екатерина Павловна, если бы дожила до нея? Менѣе чѣмъ за годъ предъ тѣмъ, въ послѣднемъ письмѣ своемъ къ Карамзину изъ Штутгарта отъ 13 ноября 1818 г., она выражала слѣдующую мысль о конституціи: «Вы ко мнѣ рѣдко пишете и я не могу согласиться съ вами, чтобы оно было къ лучшему. Пишите болѣе, а читайте менѣе конституцій германскихъ, которые не иное, какъ совершенный вздоръ. Съ тѣхъ поръ, какъ я вблизи вижу національныя репрезентаціи, выучилась я цѣнить вѣсь словъ; хорошіе законы, которые исполняютъ,—вотъ лучшая конституція». Можетъ быть и самъ король не далеко расходился со своею покойною супругою во взглядѣ на «національныя репрезентаціи».

И. Божеряновъ.

¹⁾ «Рус. Арх.». 1867 г., стр. 863.

Въ собраніи медалей Ю. Б. Иверсена, автора сочиненія «Медали въ честь русскихъ государственныхъ дѣателей» находятся слѣдующія медали, выбитыя въ память великой княгини Екатерины Павловны, королевы Виртембергской и 1 крестъ, мало извѣстные въ Россіи:

а) Лиц. ст. PREISMEDAILLE DES LANDWIRTSCHAFTL. VEREINS. Въ вѣнкѣ изъ лавровыхъ листьевъ, подъ короною, буква с. Въ обрѣзѣ:

VON DER KOENIGIN
GESTIFTET
1818.

Об. ст. На Земледѣліе, изображенное въ видѣ сидящей женщины, окруженной эмблемами хлѣбопашества, возлагаетъ парящій крылатый геній вѣнецъ. Вдали городъ и рѣка, по которой плывутъ корабли. Въ обрѣзѣ: WAGNER F.

Величина медали 3' 9".

б) CATHARINA KOENIGIN VON WUERTEMBERG. Грудное изображеніе королевы Виртембергской, обращенное вправо, съ діадемою на головѣ. Внизу: G. 22 MAI. 1788.—G. 9 JAN 1819. На обрѣзѣ шей: P. B. F. (Peter Bruckmann fecit).

Об. ст. Подъ шестиконечною звѣздою:

IN ZEITEN
VOLLER NACHT
WANDELTE SIE
UNTER UNS
LEUCHTEND, WÄRMEND,
BIS WIEDER
DIE SONNE KAM:
DA GIENG SIE.

Внизу шестиконечная звѣзда. Вѣuvo P. B. (Peter Bruckmann).
Величина медали 4' 8".

с) Лиц. ст. CATHARINA KOENIGIN VON WÜRTEMBERG. Грудное изображение королевы, обращенное вправо, съ діадемою на головѣ. Подъ нимъ: KTSZEL. P.

Об. ст. Въ вѣикѣ изъ лавровыхъ листьевъ, подъ короною:

UM
DIE DAS
VATERLAND
TRAUERT.

DEN 9 JAN.
1819.

Величина медали 3' 9".

d) Лиц. ст. Грудное изображение королевы Виртембергской, обращенное вправо, съ діадемою на головѣ, безъ надписи. На обрѣзѣ шей: P. B. (Peter Bruckmann).

CATHARINA
KÖNIGIN VON
WÜRTEMBERG.

GEB. 22 MAI. 1788.
GEST. 9 JAN. 1819.

Величина медали 2' 5".

e) Лиц. ст. Грудное изображение королевы Виртембергской, обращенное вправо, съ діадемою на головѣ; подъ нимъ: W. (Joh. Ludw. Wagner). Кругомъ груднаго изображенія кругъ изъ звѣздъ.

Об. ст. Подъ короною:

C
† D: 9 JANUAR
1819.

Вся оборотная сторона гравирована. Медаль эта съ ушкомъ и была назначена для ношенія. Величина ея 2' 8".

f) Лиц. ст. Wilhelm Koenig von Wirtemberg. Грудное изображение короля Виртембергскаго Вильгельма I, обращенное вправо. Пооъ нимъ: w. (Joh. Ludw. Wagner).

DER KRANKEN
STIFTEN OBDACH
UND PFLEGE
CATHARINENS
RINGEDENK
WILHELM UND SEIN
DANKBARES VOLK
STUTTGART
CATHARINEN-
HOSPITAL. 1820.
MON: JUNI.

Величина медали 2' 8".

g) Крестъ для ношенія, украшенный лиліями на концахъ.

Въ срединѣ, въ кругѣ, въ видѣ медали, грудное изображение королевы, обращенное вправо, съ діадемою на головѣ. По ширинѣ креста слѣва направо: CATHA—RINA, по длинѣ креста, сверху внизъ: KÖNIGIN—V. WÜRTEMBERG.

Об. ст. Въ срединѣ, въ кругѣ, въ видѣ оборотной стороны медали:

ГЕВ. 22.
МАІ. 1788.
ГЕСТ. 9.
JAN. 1819.

По ширинѣ креста по три звѣзды, по длинѣ три звѣзды и пять звѣздъ.

Высота креста 4' 1', ширина 3' 6".

1050

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

JUL 19 1971 LL

3434785

CANCELLED

